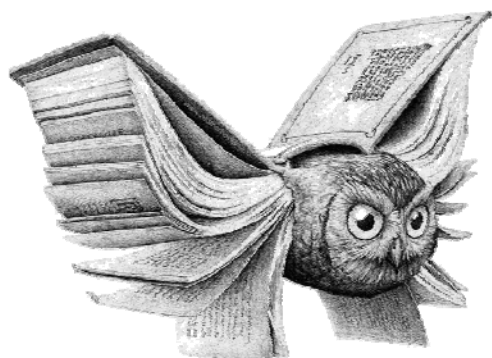
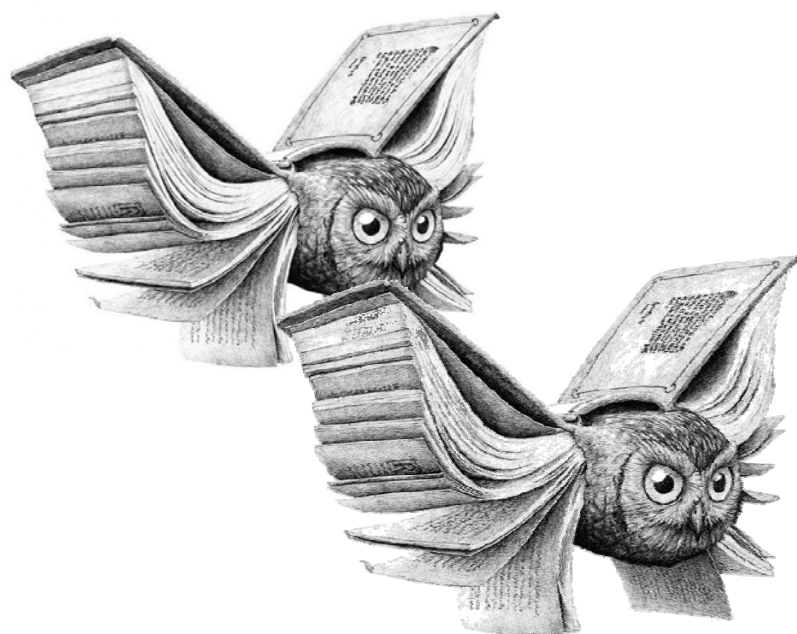

№ 2 (11)' 2018
Июнь

СОФИЯПОЛИС

Электронный научный журнал
гуманитарных исследований

Редакционный совет

Арапова Э.Б. – кандидат философских наук, доцент Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики

Бернюкевич Т.В. – доктор философских наук, доцент кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета

Иванова Ю.В. – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна Забайкальского государственного университета

Нестеров А.Ю. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Самарского национально-исследовательского университета им. академика С.П. Королева

Павлов А.В. – доктор философских наук, профессор, Тюмень

Главный редактор

Крылов Д.А. – доктор философских наук, президент Забайкальской гильдии политологов и социологов, руководитель школы "Новые софисты"

Редакционная коллегия

Горковенко А.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Романов И.А. – кандидат филологических наук, декан факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета

Черняк Е.Г. – директор Образовательного центра дополнительного обучения ЧОУ ДПО "ИнтеГРА"

Янков И.В. – кандидат философских наук, независимый исследователь (г. Екатеринбург)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
РАЗДЕЛ I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	7
Крылов Д.А. На пути к Царьграду	7
Амир Ст-н. Майский нарратив праздника и метанарратив жертвы	17
РАЗДЕЛ II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	25
Баранова О.Ю., Сундуева Б.М. Китайский мир глазами американской писательницы Перл Бак	25
Зимняков А.В., Горковенко А.Е. Православное миссионерство в Китае ..	36
Ганиев Н.У. Лингвистика городов Центральной Азии	50
Щурина Ю.В. Комические речевые жанры в межкультурной коммуникации: коммуникативно-нормативный аспект	56
РАЗДЕЛ III. NEMO NASCITUR DOCTUS	69
Манеров М.В. Гражданская позиция молодежи в Забайкальском крае ...	69
РАЗДЕЛ IV. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ	80
Ермичев А.А. Русская философия накануне XX века: угадывания В.В. Розанова	80
Розанов В.В. Умственные течения в России за 25 лет	83

ОТ РЕДАКТОРА

Установка на идентичность на фоне политического требования патриотизма и верности традициям, играет ведущую роль в создании политического образа «исторической» России. Но погруженность в сопереживание с собственной историей носит фрагментарный характер и напоминает пловца, ныряющего за избранными редкостями, но игнорирующего затонувшие культурные руины. В итоге, редкость оказывается вырванной из общего контекста, бальзамируется, мифологизируется и превращается символ всеобщего поклонения.

Новая идентичность игнорирует трагичность истории, определяясь лишь славой и добившимися ее правителями. Грехи последних списываются на сложности эпохи и внешних и внутренних врагов, недругов подлинного призвания страны. Привязка к противопоставлению «Мы – Они» снимает необходимость что-либо объяснять, так как речь идет об исходной сопричастности психологической и на пралогическом уровне.

Любое самостоятельное суждение будет восприниматься на этом уровне как попытка сомнения в истинности группового мировосприятия. Призывы же к рассуждениям, как писал о такой ситуации Л. Леви-Брюль, вызывают отвращение и усталость. Хотя он и не знал, насколько недалеко ушли в своем развитии закрытые общества, но оценка, как нам представляется, соответствует описанию ситуации, когда зависимость от мифологии, мистицизма и догматизма является основой для жизнедеятельности исторически сложившегося социума.

Самоописание здесь выглядит как возрождение прежних представлений, как лишенная оригинальности тавтология. Наблюдение над собою исчезает, подменяясь напевами о великой стране и победными реляциями о дрожащих от страха врагов. В самоописании нет наблюдения над собою с целью внесения изменений. Поэтому любые изменения носят внешний фиктивный характер, демонстрирующий сходство, но не исходное

содержание заимствуемых институтов и ценностей. Отсюда же проистекает невозможность синхронизации соответствий, которая по-сути ведет к рассогласованиям с собственной мифологией и образом мысли.

Надежда здесь может проявиться лишь в условиях переходных эпох, когда ценность мифологии уже не столь очевидна. Этот просвет в бытии не может быть длительным, но если принять идею Н. Лумана, «можно, в общем и целом, предположить, что в конце концов устарелость самоописаний и неправильная ориентация самонаблюдений бросится в глаза; что значительная степень рассогласования окажется для них невыносимой и что потеря реальности в самоописаниях даст повод для корректировок, даже если и не удастся так быстро достичь понятности и убедительности, свойственных традиции. Во всяком случае, в такие переходные эпохи рекомендуется иметь широкую перспективу и соответственно абстрактную теорию, если есть намерение наблюдать и описывать то, как меняются в качестве реакции на структурные трансформации общественной системы, общественные самонаблюдения и самоописания».

Впрочем, снять красные флажки мифологизированной общности так просто не получится. Люди с трудом принимают новое, расширение возможностей, предпочитая жить в границах дозволенного. Старые нарративы лелеются и оплакиваются как образы сакрального мира, юдоль недовоплощенного бытия. И не случайно маркиз де Кюстин в духе поиска того, что появилось раньше (курица или яйцо?), не смог ответить на дилемму, толи характер народа создал самодержавие, или же самодержавие создало русский характер? Способность держаться за парадигму преклонения перед властью и собственного бессилия не может не ставить в тупик людей воспитанных в духе уважения собственного достоинства и независимости.

В «Сумерках идолов, или как философствуют молотом» Ф. Ницше по-своему охарактеризовал такую ситуацию, хотя и не применительно к России: «Чтобы существовали учреждения, необходимы воля, инстинкт, императив антилиберальный до злобы; желание традиции, авторитета, ответственности,

упроченной веками солидарности. Когда такая воля существует, тогда возникает нечто вроде “*imperium romanum*”».

Консерваторы не желают слушать философов и мыслителей, настраиваясь на то, чтобы «вернуть, ввинтить человечество до прежней меры добродетели». Подморозить любые изменения – вот подлинная их мечта. Поэтому и не случайна их ностальгия, скажем, по опричникам у изборчан, или прославление крепостного права у председателя Конституционного суда В. Зорькина. Им всем нравится идея «духовных скреп», идеологической основы для выражения самодовлеющей власти и ей покорного народа. Именно о такой идентичности говорят сегодня ангажированные интеллектуалы. Ведь массы не рефлексируют и не ищут информацию, а значит и не задают лишних вопросов о «светлом» прошлом.

И даже то, что было еще сравнительно недавно и исчезло вместе с распадом СССР, не отражало исходных светлых надежд на достоинство человека. Как писал об этом времени и наличной тогда власти А. Зиновьев в «Коммунизм как реальность»: «Это – самодовлеющая власть, не имеющая никаких иных основ кроме самой себя. Здесь не власть существует для общества, а общество признается и допускается лишь в той мере, в какой оно нужно и достаточно для воспроизводства и функционирования власти. Здесь общество есть лишь питательная среда и арена для спектаклей власти».

Преемники этого типа мышления сегодня у власти. Самодержавие и связанный с ним «культ личности» видятся ими как естественное и природное явление духовной жизни для подчиненного народа. Ни о каком подобии управления, основанном на согласовании интересов и ответственности, речи не идет. Авторитарное самовластие порождает лишь самозванство и самодурство. Людям такого типа мышления претит разнообразие, они отрицают взаимное уважение и доверие. Но им близка реликтовая тирания, как форма правления, не признающая иной воли, кроме воли правителя, который прав всегда и по определению. Подданные же обязаны повиноваться и принимать свою судьбу как дарованное свыше благо. И к этому мало, что

можно добавить и едва ли сегодня стоит говорить о «гибридности» существующего политического режима. Это из жанра полутонов и их оттенков.

Целью власть предержащих является сохранение собственной власти и для этого необходимо граждан снова сделать подданными, единым народом, растворенным в некой универсальной и обезличивающей отрицательной идентичности. Этим будет нивелирована множественность идентичностей, которая есть не только принадлежность к той или иной группе, но и связанные с этим различия. Эпоха тотальности делает из всех людей даже не мужчин и женщин, а поющих в унисон и по приказу безликих подданных.

И будет все по слову, сказанному уже более 200 лет назад «недругом» России маркизом де Кюстином: «Здесь народ и правительство едины; даже ради того, чтобы воскресить погибших, русские не отреклись бы от чудес, свершенных по воле их правителя, – чудес, свидетелями, соучастниками и жертвами которых они являются. Меня же более всего удивляет не то, что человек, с детства приученный поклоняться самому себе, человек, которого шестьдесят миллионов людей или полулюдей именуют всемогущим, замышляет и доводит до конца подобные предприятия, но то, что среди голосов, повествующих об этих деяниях к вящей славе этого человека, не находится ни одного, который бы выбился из общего хора и вступился за несчастных, заплативших жизнью за самодержавные чудеса. Обо всех русских, какое бы положение они ни занимали, можно сказать, что они упиваются своим рабством».

Тех, кого эти слова заставляют говорить о недружественности их сказавшем, проклинать в качестве врага или его пособников, я ни к чему не призываю. Прошу их продолжать жить, как и прежде, в ожидании, когда сбудется некое записанное старцем Филаретом мессианское предназначение. Невежество, как и его культивирование, пока еще не отменили...

*Главный редактор «Софияполис»
Дмитрий Крылов*

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32

Д.А. Крылов
Забайкальская гильдия
политологов и социологов,
президент,
доктор философских наук
E-mail: dmdak@yandex.ru

На пути к Царьграду

Аннотация: В статье рассматривается проблема неопределенности и ретроградного движения в поисках идей, которые должны легитимировать власть на архаический манер. Либеральная легитимация власти, основанная на соблюдении демократических ценностей и принципе разделения ветвей власти, не устраивает правящее сообщество. Попытки встраивания архаического мифа в ткань культурных предубеждений, прежней и теперешней современности, играет роль идеологических скреп. Фрагментарный или мозаичный тип культуры склеивается на уровне архетипных представлений, лишенных потребности в скептической рефлексии. Этим обеспечивается живучесть мифа, в частности, о возвышении Третьего Рима или вечного Царьграда. Делается вывод о нарастании кризисной ситуации, являющейся следствием неопределенности и все возрастающей нервозности, как самой власти, так и российского народа в целом.

Ключевые слова: Вечное возвращение, миф, архетипы, Третий Рим, Царьград, неопределенность бытия.

D.A. Krylov
Trans-Baikal association
of political sciences and sociology,
President,
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: dmdak@yandex.ru

On the way to Tsargrad

Annotation: The article deals with the problem of uncertainty and retrograde movement in search of ideas that should legitimize the power in an archaic manner. The liberal legitimization of power based on respect for democratic values and the principle of separation of powers does not suit the ruling community. Attempts

embedding of archaic myth in the fabric of the cultural presets of the former and the present of the present, plays the role of ideological braces. A fragmentary or mosaic type of culture is glued together at the level of archetypal representations, devoid of the need for sceptical reflection. This ensures the vitality of the myth, in particular, the elevation of the Third Rome or the eternal king of the city. The conclusion is made about the increase of the crisis situation, which is a consequence of uncertainty and increasing nervousness, both of the government and the Russian people as a whole.

Keywords: Eternal return, the myth, the archetypes, the Third Rome, Constantinople, the uncertainty of existence.

Отсутствие четких представлений о будущей России, как и неудовлетворенность нынешним образом, далеким от идеала процветающей и могущественной страны, заставляет искать неких предначертаний из прошлого. За неимением лучшего по причине утраты оптимистического светлого коммунистического будущего, обращение к наследию самодержавия, сусального православия и лубочной России, представляется выходом из идейного тупика.

Попробуем сделать набросок, выложив здесь текст «с колес», для описания сложившейся сегодня политической ситуации в России, где объявлено о ретроградном движении в прошлое и ценностях консервативного устройства общественных нравов. Как бы там не было, но что-то настораживает в этой конструкции, указывая на ее катастрофическую недоовоплощенность, расстройство праксиса (апраксию).

Сегодня сложно уйти от установки на «заглядывание в будущее», которая присутствовала у верующих в царской России, и детерминировала поведение масс в Советском Союзе. Ностальгируя по утраченной предопределенности в условиях роста противоречий и неустроенности в настоящем, люди готовы принять любого вождя или пророка, который подарит им надежду. Рост возможностей, возникающий в эпоху перемен и неопределенности, отнюдь не способствует росту оптимизма и формированию ощущения комфортности. Для таких людей вся

определенность присутствует в некоем прошлом, утраченном и недо воплощенном. При этом личная неустроенность начинает отождествляться с неустроенностью и судьбой макросубъекта – государства.

Пребывание в зависимости от архетипических канонов, отсутствии наработанных практик для самостоятельного поведения и ориентированности только на исполнение авторитарного приказа, исключает множественную вариативность в поведении. Здесь возможен лишь выбор между подчинением или игнорированием приказа. Отказ или открытое противостояние власти воспринимается как отсутствие лояльности к существующей культуре. Апология власти играет здесь ведущую роль и не подвергается сомнению в ее оправданности и санкционируемости свыше.

Такой тип легитимации власти не имеет ничего общего с западными либеральными формами структурирования и оправдания власти. Сама идея разделения ветвей власти здесь неприемлема, о чем и было заявлено через установление строгой вертикали, ориентированной на первое лицо в государстве. Такая же участь постигла и идею федеративного устройства, где должны были появиться субъект-субъектные отношения между различными территориями и центром. Совпадение образа власти и ее носителя с образом страны снимает возможности альтернативы для тех, кто готов был бы предложить обществу прогрессивные и продвинутые формы управления.

Именно в таком обществе и возможны появления как бы исторических гибридов а-ля Святая Русь, романовского наследия и сталинских свершений. Поэтому и не кажутся нелепыми, скажем, художественные фантазии Владимира Сорокина в «Сахарном Кремле» или в «Дне опричника», где описывается жизнь в государстве Российском середины XXI века. Здесь, несомненно, присутствует гипербола, преувеличение, но если присмотреться к происходящему в реальности, то легко обнаруживаются прототипы. Современные неоопричники из «Изборского клуба» или ищущие монархии для России не миф, а реальные люди. Эти как бы патриоты и государственники, воспевающие религиозную симфонию всемогущей

авторитарной власти и добрых подданных, готовы хоть сегодня объявить об избрании нового царя. А тем временем, они воспевают и прежние устои, и преемственность «духовных скреп», и крепостное право, и освящают память тиранов прошлого, фактически, на государственном уровне. Ведь это отнюдь не случайно, когда в 2016 году министр культуры В. Мединский открыл в Орле памятник Ивану Грозному, а лидер ЛДПР В. Жириновский спел в том же году в благодарность за вручение ему ордена «За заслуги перед Отечеством» «Боже, царя храни».

Низкий метафизический горизонт едва ли способен обеспечить реализацию этих планов, но ничего другого пока нет и едва ли предвидится. Люди с ретроградным мышлением способны лишь к воспроизводству отдаленно что-то напоминающих идей. Это поверхностные, противоречивые и лишенные проработки представления о прошлом имеют некое отношение и к прежнему опыту использования идеологии и пропаганды советской эпохи. Но и здесь все оказывается приземленным и лишенным радостного оптимизма. На помощь призывается фантастика. Ее напластования на тему имперской России уже трудно разгрести и литературоведам. Самый последний, появившийся в 2018 году, сборник «Русский фронтир», ничем не ограниченный проект грядущей империи: «Наша Россия будущего – звездная Империя с монархом во главе, с Церковью, но и с высокоразвитой наукой, технологиями, мощной экономикой. Это не палеоимперия, это футуроимперия» [2, с. 7].

Утопия здесь открыто провозглашается учением о грядущем процветании Российской империи 2.0. Впрочем, именно архаического здесь мало и нет такой проработки темы, как у Михаила Юрьева в «Третьей империи», или мистического пафоса Павла Крусанова в «Укусе ангела». Но цели, как говорится, другие. Здесь мы видим попытку уйти от параллельной истории и идеи недоволенности, бытия несвершившегося к бытию грядущего.

Но отчего России вдруг приплыло, точнее, приплывет такое счастье, объяснить, исходя из настоящего, не возьмется никто. Хотя, если помнить о проекте экспансии, то могущество страны выглядит как результат не внутреннего развития, роста экономики, а, скорее, как итог реализации воинственных идей восточной деспотии, достигшей полного и окончательного своего воплощения на земле и в космосе. На это ориентируется и конструируемая в России модернность, едва ли чем отличающаяся от всех подобных проектов по утверждению нового Средневековья.

Поэтому и появляются низкопробные конструкции грядущего восхождения на космический трон нового русского царя: «Путь к стольному Царьграду-на-Марсе был свободен. А встречали капитан-лейтенанта Анненского уже как государя Ивана VII. Земский собор принял его, приняли люди от юпитерианского фронта до старорусских Иркутска, Тобольска и Москвы. После венчания на царство, при первом его обращении к ученым, инженерам, космоплавателям, воинам, казакам, собравшимся в огромном алмазном зале, верный его пес сидел неподалеку от трона и ласково потявкивал» [6, с. 253].

Целью такого царствования объявляется борьба с Западным Альянсом, жадными олигархами и завываниями индивидуумов о «свободе». Соответственно и сама организация отношений с территориями выглядит как некий повтор исходной модели абсолютного центра и податных окраин.

Установка на повторы в истории и судьбы несет в себе нагрузку исходного бремени, где вечные воители и подчиненный им народ призваны к бесконечной войне со злом. Миф же о духовной чистоте или превосходстве призван компенсировать явное культурное отставание в создании развитой материальной среды и условий для индивидуального развития человека вне авторитарной системы.

Добавим, что речь идет не о европейском проекте, а именно о воплощении постмонгольского варианта завоевания полмира с добавлениями

византийских идей о земном пантократоре. Эти грезы о Московском Средневековье можно объяснить в духе Умберто Эко, писавшем об эсхатологических мотивах, ожидании грядущего апокалипсиса, «господстве грубой силы, примитивных чувств и правового беспредела». Наиболее характерные черты такого поведения: «закат рациональности», «эскапистское декадентство и оккультизм, а главное – «неофашистская воля к власти» [7].

Установка на применение сил вовне для достижения могущества и подчинения иных государств и их народов известна давно и отмечалась разными мыслителями. В частности о завоевательном духе царской России и ее неспособленности к внутреннему развитию писал еще Фридрих Энгельс: «Чтобы самодержавно господствовать внутри страны, царизм должен был быть более чем непобедимым за ее пределами; ему необходимо было непрерывно одерживать победы, он должен был уметь вознаграждать безусловную покорность своих подданных шовинистическим угаром побед, все новыми и новыми завоеваниями. <...> Вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, который позволит русскому народу навсегда покончить с традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо того, чтобы заниматься фантазиями о мировом господстве, позаботиться о своих собственных внутренних жизненных интересах, которым угрожает в высшей степени серьезная опасность» [9].

Стоит обратить внимание на то, что И. Сталин 19 июля 1934 года в письме к членам Политбюро ЦК ВКП(б) высказался против публикации статьи Ф. Энгельса в журнале «Большевик». Он полагал, что статья могла иметь значение директивы. Тем самым, прежняя политика бралась им под некий род защиты и все сводилось к идеологическому штампу, объяснению общих политических установок и способов их решения империалистическими державами [5].

Отметим, что и Ф. Энгельс, и И. Сталин, явно обошли тему иного рода, которая всегда присутствовала в системе политических задач, решавшихся

царизмом, а позднее и в советскую эпоху. Мессианская идея завоевания Константинополя и утверждения православия не многим отличалась от идеи установления во всем мире коммунистического царства. Этот идейный код лежит в основе всех эмпирических моделей в России.

По-своему о своеобразном переносе идей описал Николай Бердяев: «Доктрина о Москве, как Третьем Риме, стала идеологическим базисом образования московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи. Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории. Принадлежность к русскому царству определилась исповеданием истинной, православной веры. Совершенно также и принадлежность к советской России, к русскому коммунистическому царству будет определяться исповеданием ортодоксально-коммунистической веры» [1, с. 9].

Едва ли, думается, следует здесь предлагать рассуждения о том, что на уровне такой ментальности возможен выбор иного пути и воплощение иных идей. Контрфактические истории похожи на то, как если бы с понедельника человек, страдающий от вредных привычек, решил жить по-новому или Александр Македонский прожил бы еще лет десять. Коллективная ментальность или общий характер являются мощным сдерживающим фактором на пути к внутренним изменениям, без которых все внешние изменения остаются лишенной исходного содержания формой. Целью подобных альтернативных исследований может оказаться банальное списывание на случайность или форс-мажор собственной неспособности принимать адекватные решения. На этом фоне мы довольно быстро получим новую парадигму для экономико-исторической науки [4], которая будет с благосклонностью воспринята в сфере политических решений.

Неуспехи предшествующего времени, как и не решаемые проблемы настоящего относятся теперь не к несостоятельности правителей и подчиненным им властных институтов, не к неспособности общества к принятию новых идей, а к стечению неблагоприятных обстоятельств или

проискам внешних и внутренних врагов. Эпистемное мышление всегда готово сочинить очередную историю по случаю.

Враг изобретается постоянно. Практическое значение этого действия определяется потребностью в жесткой фиксации «Мы» и «Они», с целью консолидированного противопоставления чужому и формирования внутреннего единства. Наряду с этим формируется и поддерживается собственная система ценностей, которая, как пишет У. Эко и демонстрируется окружающим [8, с. 13]. Правильному должно быть противопоставлено дурное и отвратительное. Именно это мы наблюдаем в современных оценках, призванных показать распущенность и безвольность Европы, страдающей от собственной толерантности. Здесь нет даже намека на то, чтобы понять другого, а лишь только самодовольное презрение и отупляющая ненависть. Любое выражения скепсиса сразу же отменяется установкой на сотворение врага, а градус напряжения постоянно растет. Классическое описание минут ненависти дано было еще в произведении Джорджа Оруэлла «1984».

В реальности же нервозность и готовность к массовым психозам выглядит не менее шокирующей. По данным социологических исследований, проведенных Левада-центром в начале декабря 2017 года, 63% опрошенных признали наличие врагов у России. Среди главных врагов были названы США (68%), Украина (29%) и Евросоюз (14%). Далее следовали бывшие республики СССР (10%), Польша (8%), Германия, НАТО и Англия (по 6%), сторонники фундаментального ислама и запрещенного в России «Исламского государства» (5%). Лишь 4% опрошенных посчитали, что угрозой для страны являются те, кто стоит сегодня у власти, а коррупцию назвали угрозой только 3%. Не менее впечатляющими оказались результаты опроса тех, кто считает, что Россия со всех сторон окружена врагами (23%) и тех, кто назвал самыми опасными врагами страны «скрытых, внутренних» (21%) [3].

Поддерживаемые на уровне ток-шоу радикальные настроения и высокий градус неприязни к Западу обеспечивает необходимый уровень

поддержки действующей власти. Процесс промывки мозгов, навязывания оценок и суждений, запущен в промышленном масштабе. Но... Ситуация легко может стать неуправляемой и вместо готовности жить для очередной великой победы привести к стихийным поискам ведьм или погромам во имя веры. Внушаемость масс возможна лишь в определенном диапазоне воздействия, пока людей не охватывает страх. В этот момент они перестают быть пассивными наблюдателями за присходящим.

Как заметил К. Юнг, «демонов привлекают по преимуществу массы»: «Для примитивного человека мир полон демонов и таинственных сил, которых он боится; для него вся природа одушевлена этими силами, которые на самом деле не что иное, как его собственные внутренние силы, спроецированные во внешний мир. Христианство и современная наука дедемонизировали природу, что означает, что европейцы последовательно вбирают демонические силы из мира в самих себя, постоянно загружая ими свое бессознательное. В самом человеке эти демонические силы восстают против кажущейся духовной несвободы христианства. Демоны прорываются в искусство барокко: позвоночники изгибаются, обнаруживаются копыта сатира. Человек постепенно превращается в уробороса, уничтожающего самого себя, в образ, с древних времен являвшийся символом человека, одержимого демоном» [10].

Рост числа охранителей и вариантов «Черной сотни» приведет не к умиротворению подданных, а ко все возрастающей нервозности и страхе перед «Пятой колонной», сторонниками либерализма, демократических свобод и индивидуализма. Ангел истории всегда готов принять новую жертву.

Но нет пока во всем происходящем во внутренней политике России завершенности. Отсутствует стратегический план и новый метафизический горизонт. А ведь без мессианской идеи невозможен ни Третий Рим, ни Третий Интернационал. Если речь идет о них, а не о демократическом пути развития и кардинальном изменении системы всевластия и самодержавия.

Гибридные войны способны поддержать образ лишь такого же гибридного могущества. Борьба же с демоническими силами требует высокой цели утверждения метафизического предназначения. А в нашем случае, восстановление, скажем, монархии в России потребует не битв в Западом, который хотя и погряз в грехах, но вписан в христианскую эсхатологию, а отвоевания Царьграда у турок и мусульман... И здесь, как мы понимаем, начинаются разногласия, так как миссия монарха заключается не в светском отправлении власти, а в исполнении предназначенного свыше...

Список литературы

1. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринт. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Володихин Д. География будущего // Русский фронтир. М.: Издательство «Э», 2018. С. 5-8.
3. Дергачев В., Атасунцев А. Россияне назвали главных врагов России // РБК. Дальний Восток / URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/01/2018/5a549d4b9a79476120fe5065> (дата обращения: 30.05.18).
4. Латов Ю.В. Ретропрогнозирование (контрфактическая история) как разновидность исследований Path Dependence и QWERTY-эффектов // ЭСМ. Федеральный образовательный портал / URL: <http://ecsosman.hse.ru/text/16213312> (дата обращения: 28.05.18).
5. Сталин И. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Сталин Иосиф Виссарионович. Сочинения / URL: <https://petroleks.ru/stalin/14-22.php> (дата обращения: 28.05.18).
6. Тюрин А. Иван-царевич и титановый пес // Русский фронтир. М.: Издательство «Э», 2018. С. 203-254.
7. Хапаева Д. Неомедиевализм плюс реставрация всей страны! // Журнальный зал / URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2018/1/neomedievalizm-plyus-restalinizaciya-vsej-strany.html> (дата обращения: 27.05.18).
8. Эко У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю / Пер. с ит. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 352 с.
9. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Скепсис. Научно-просветительский журнал / URL: http://scepsis.net/library/id_772.html (дата обращения: 28.05.18).
10. Юнг К.Г. «Демонов привлекают массы» // Monokler / <https://monocler.ru/karl-yung-demonov-privlekeyut-massyi/> (дата обращения: 30.05.18).

Майский нарратив праздника и метанарратив жертвы

Аннотация: В статье рассматривается тема формирования в современной России сакрального пространства, призванного обеспечить легитимность действующей власти. В основу сакрального кладется установка на жертвенность, призванная стать идейной основой для всеобщего патриотизма. Формируемая тотальная идентичность должна обеспечить политическую стабильность и социальный мир. Закрепляемая на уровне ритуала общность теряет способность к изменениям. Неспособность к изменениям становится неким идейным обоснованием для собственного существования.

Ключевые слова: война, жертвоприношение, ритуалы, сакральное, закрытое общество, догматическое сознание.

Amir St-n,
independent researcher
e-mail: amirst-n@mail.ru

The story of the celebration of may 9 and metanarrativ victims

Annotation: The article deals with the formation of the sacred space in modern Russia, designed to ensure the legitimacy of the current government. The basis of the sacred is the installation of sacrifice, designed to become the ideological basis for universal patriotism. The total identity formed should ensure political stability and social peace. Fixed at the level of ritual community loses the ability to change. Inability to change becomes a kind of ideological justification for their own existence.

Keywords: war, sacrifice, rituals, sacred, closed society, dogmatic consciousness.

Исключительное значение празднования Дня Победы 9 мая для российского народа не должно и не вызывает сомнений. Это событие мирового значения, которое по определению не подлежит переоценке. При этом Великая Отечественная война как бы выводится за рамки победы над

Германией во Второй Мировой войне (событие отмечают в мире 8 мая), а собственная история противопоставляется истории других народов. Страны Запада рассматриваются лишь в качестве временных союзников и попутчиков или врагов.

Постановочная государственная церемониальность, которую мы многократно наблюдаем и не только в этот день, призвана подчеркнуть историческую связь с поколением победителей – дедами. Провозглашение России предельной ценностью делает все иные рассуждения бесполезными и враждебными. Перед нами разворачивается идея исходной России, мыслимой как сотворенная и предзаданная мистическая реальность. Ведь речь идет о сакральном или священном для всего народа. Отсутствие же иных событий XX столетия, равных победе в Великой Отечественной войне, также должно подчеркивать исключительность свершившегося. Прежде на такую исключительность претендовала только Великая Октябрьская социалистическая революция.

Образ победы привязан к незавершенной идеологической парадигме патриотизма, направленной на вовлечение народа в единое политическое пространство и оформление общности под названием «российский народ». По-сути, речь опять идет о некоем повторении прежней парадигмы, направленной на создание советского народа. Вот только заменить коммунистическую идеологию пока нечем. Консерватизм же, который активно пропагандируется властью, такой роли выполнить не в состоянии. Едва ли получится то же отстаивание семейных ценностей, ориентированных на архаическую семью эпохи Домостроя, в условиях массового распространения неустойчивой нуклеарной семьи. Ставка же на религию может быть эффективной только при вспышке соответствующих настроений или психозов. Признание в качестве универсальной ценности авторитарных форм управления обществом и сохранения суверенной государственности также тупиковое и избыточно затратное предприятие, требующее сохранения закрытого общества.

В условиях постоянного умножения информации и ее способности просачиваться сквозь запреты, даже пассивные прежде массы перестают быть инертными союзниками власти. Ей необходимо постоянно демонстрировать свою мощь и потенцию. Исторически это выражалось в праве жизни и смерти по отношению к своим подданным и в праве на войну по отношению к правителям иных государств и их народам. Освящение или сакрализация этого антигуманного права выводило правителей из-под ответственности перед своими подданными, которые, в свою очередь, призваны были активно поддерживать высшую волю вождя или тирана. И как высказался по этому поводу Гораций: «*Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi*» («За все безумства царей расплачиваются их подданные»).

Отождествление или персонификация власти с именами правителей также вписывается в определенную традицию, направленную на сохранение образа священного начала. Ведь «царское искусство» как раз и состоит в сохранении целостного, во имя чего приходится жертвовать частным. И не беда, если эти жертвования ставятся на поток. Так символический обмен становится системой по жертвоприношению. Подлинность исчезает под напластованиями мифов и догматически подаваемых «истин». Авторитарные веления становятся ценностью в себе. Вслед за Ж. Бодрийаром можно рассуждать о росте политических подделок и их современном вырождении в симулякров.

Отложенное благополучие страны и ее народа трансформировано в некий вариант эсхатологической жертвенности. К этому устремлен и навязываемый эсхатологический патриотизм с его искупительной жертвой народа во имя грядущего существования после. Идея недовожденности как и предзаданного свыше поддерживает миф о грядущем величии отдельно избранной страны и ее народа. И рассудок здесь оказывается не причем, уступая место слепому ритуалу поклонения идее в себе. Это состояние культивируется на уровне политических институтов, стремящихся не дать вырваться социальному многообразию, иным вариантам эсхатологии. Ведь

эсхатология в закрытом обществе обрекает людей на прозябание в замкнутом пространстве. Здесь все подчинено сохранению покоя и противостоянию изменениям. В итоге происходит даже сращивание идеи отдельного государства и «Града Божия», отрицания иных миров и способов прочтения истории. Власть формирует здесь историческую действительность под себя, используя некие «духовные скрепы» и метафизические предписания борьбы добра со злом в физическом мире.

С точки зрения А. Бергсона, в любом замкнутом на себя сообществе поддерживается установка на включение известного множества одних индивидов и исключение других. Постоянно наблюдается процесс отказа от уважения жизни и собственности другого, что явно не соответствует моральным канонам, а во время войн «убийство и грабеж, так же как и вероломство, мошенничество, обман, становятся не только дозволенными, но и вознаграждаемыми» [2, с. 30, 31]. Такое же отношение мы наблюдаем и по отношению тех людей, которые исключаются «по закону» из сообщества правильных и добродетельных. Закрытые сообщества совершенно не случайно тяготеют к репрессивным системам. Ведь замкнутые на себя сообщества создают и соответствующую для себя мораль, которая приобретает черты строгой ригористичности и безапелляционности. Всех начинают прогонять через прокрустово ложе морализаторства. Над этим процессом возвышается лишь правящий авторитет.

Но в этой моральной жизни мы не увидим движения к рациональному устройству мира. Здесь все детерминируется узкими интересами тех, кто будет использовать моральное оправдание и собственный закон для сохранения власти. Слепое подчинение исключает потребность в интеллектуальных оценках. Включенность же в историцистский метанарратив делает такое подчинение почти гарантированным. Ведь речь идет о единственно возможной и предзаданной структуре власти и существующих с претензией на неизменность отношений. Из таких систем наиболее приемлемым способом освобождения может быть только побег или

поиск тех сфер жизнедеятельности, которые находятся вне прямого конфликта с архаическими формами сознания. Нужно постоянно демонстрировать солидарность, чтобы оставаться включенным в «свои» и если сегодня фактически все заявляют о том, что они патриоты и сторонники В.В. Путина или Великой России, но не стоит их вразумлять рассказами о том, что единой истории для всех никогда не было и не будет. Ведь были герои, были палачи, были их жертвы, и были те, кто пресмыкался, плыл по течению или прятался на манер «Премудрого пескаря» от активного выражения себя и своих интересов.

Заколдовывание мира в России, связанное с расширением сферы сакрального и утверждением нарратива всеобщности во имя грядущего, несет в себе все признаки замыкающейся на себя системы. Здесь мы отмечаем низкий уровень, в первую очередь, политической, мобильности населения, слабую адаптивность к инновациям, тяготение к авторитарным идеологиям и догматизму, культовой ритуализации бюрократических институтов власти, формальную идеализацию «мы» при слабом уровне способности к самоорганизации, смертоцентричность и приоритет эссенциальных ценностей над экзистенциальными потребностями.

Образно эту ситуацию передает через описание «Культуры 2» Владимир Паперный, которая «находится в состоянии застывания. Взгляд обращен в прошлое, возникает интерес к истории. Культура 2 ориентирована на неподвижность, неизменность и иерархию. Всюду (и в политике, и в архитектуре) проводятся границы. Вход (как место пересечения границы) становится важным элементом архитектуры. Государственная граница превращается в границу между Добром и Злом» [3].

Несомненно, что, будучи консервативным, закрытое общество будет постоянно возвращаться на круги своя, хотя и с поправкой на техническое развитие, которое рассматривается здесь сугубо в военных целях. Ведь именно война обеспечивает внешнюю сторону власти. Упрощенность такого подхода к политике подходит для крайнего авторитаризма или деспотии, не

нуждающейся в либеральных отношениях. Дефицит способности к управлению здесь компенсируется большей или меньшей степенью репрессивности системы по отношению к подданным. Развитие гражданственности купируется при этом установками на симфонию власти и патриотически настроенного народа.

Учитывая, что власть никогда не существует сама по себе, необходимо учитывать и ту поддержку со стороны подданных, которые ориентируются на сохранение прежних устоев или недопущение неизвестного и нового. Как пишет А.С. Ахиезер, архаическое активно прорывается в сознании масс в России, стремящихся не в будущее, а в прошлое. Страна стремится жить по инерции с оглядкой на некую декларируемую самобытность. При этом неизменной остается цикличность в воспроизводстве определенного типа власти, противостоящей архаическому локализму. Российское общество продолжает жить, следуя определенному культурному коду, как архаическое, находящееся под постоянным государственным прессом: «Глубокие основы архаизации заключаются в том, что в российском обществе на протяжении почти всей истории преобладал традиционный тип нравственности, в той или иной степени разъедаемый умеренным утилитаризмом. Люди отвечали на вызовы истории, в частности на попытки реформ, не на языке диалога, но на языке насилия, бунтом, попытками сломить источники угроз, прежде всего государство, а также попытками уйти от угроз прямым бегством от власти государства, игнорированием попыток власти изменить массовое поведение» [1].

Нам представляются вполне разумными рассуждения мыслителя о ближайшем будущем страны: «Система вновь будет носить гибридный характер, так как раскол, существование враждебных систем ценностей при слабом развитии культуры диалога не оставляет другой возможности. Видимо, вновь идеология будет носить характер некоего «псевдо», т. е. фиксировать его некоторую претензию на то, чтобы быть тем, чем она является лишь отчасти. Это может быть псевдопочвенная идеология в связи с

ростом русского национального самосознания. Можно констатировать высокую вероятность инверсионного поворота от интернациональной официальной идеологии к национальной. Для этого направления, однако, характерен не только национализм вплоть до его крайних форм, но прежде всего стремление создать идеологию на основе возврата к архаичным ценностям. Это будет попытка вернуть общество из промежуточной цивилизации на путь традиционализма. Это идеологическое направление защищает свою позицию ссылкой на необходимость развивать национальную культуру, национальную самобытность. При этом игнорируется, что эта бесспорная необходимость, этот важный аспект роста национального самосознания может развиваться бесконечным количеством путей. Из них выбирается один – тот, который противостоит плюрализму, диалогу, специфике современного мира и независимо от субъективных намерений идеологов толкает к насильственному подавлению плюрализма и диалога» [1].

Ментальный код архаического сознания действует как готовая система оценок, которая, проговаривая своих сторонников, делает их заложниками предписываемого дискурса. Пралогическое мышление, как известно, сориентировано на мифологическую память, игнорирует противоречия и несоответствия, предпочитает аффекты и гибридность идей. Поэтому всегда проще использовать сходные формы внушения, нежели стремиться переформатировать ментальный код или приучить людей рефлексировать, т.е. принимать решения самостоятельно. В нашем случае с «Победой в великой войне» власти как раз и пошли по этому пути. Неопределенность настоящего была подменена на непревзойденный успех в прошлом. На фоне гибридных военных акций возникло необходимое ощущение того, что «можем повторить» и рост авторитета главы государства. Явным фетишем, призванным обеспечить лояльность масс, стала «Георгиевская ленточка», которая никогда прежде не была символом победы, хотя и использовалась как элемент цветового оформления военных наград. Само появление слова

«георгиевская» вместо «гвардейская» уже связано с сакрализацией победы в духе возрождения религиозной символики.

Характерно, что появление сегодня «православных коммунистов» отражает эту общую тенденцию на создание химер, которые, если следовать известным представлениям Л.Н. Гумилева, ведут не к появлению полноценного этноса или общности, а к созданию нежизнеспособных раковых опухолей. Возникшие на основе химер антисистемы способны лишь к агрессии, деградации и распаду.

Сегодня, есть подозрение, на месте распада Советского Союза появились именно антисистемы и современная Россия одна из таких химер. Ни о какой исходной целостности речи здесь идти не может, а только о комбинациях из отживших форм жизнедеятельности. Изменений среды обитания, как и всплеска жизненной энергии не предвидится. Побег же в прошлое приведет, в лучшем случае, к застыванию в развитии и бесповоротной утрате способности к изменениям или к появлению новых этнических субстратов и общностей. Архаика будет действовать в этих условиях как «повторение для себя», ничего не давая для жизнедеятельности новых общностей. Дальнейшая судьба социума будет связана со скоростью протекания энтропийных процессов.

Заключительная реплика: Сомнительно, что люди в своей массе способны слышать предостережения...

Список литературы

1. Ахиезер: Почему в России всегда побеждает архаизация // Толкователь. Толкучка мыслей, фактов и суждений / URL.: http://tfolk.ru/articles/ahiezer_pochemu_v_rossii_vsegda_pobezhdaet_arhaizatsiya (дата обращения: 20.04.18).
2. Бергсон А. Два источника религии и морали / Пер. с фр. М.: Канон, 1994. 384 с.
3. Паперный В.З. Культура три. Как остановить маятник? М.: Strelka Press, 2012. 20 с. // URL.: <http://iknigi.net/avtor-vladimir-papernyy/60232-kultura-tri-kak-ostanovit-mayatnik-vladimir-papernyy/read/page-1.html> (дата обращения: 18.04.18).

II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Редакция «Софияполис» приглашает к ознакомлению с избранными материалами из сборника научно-методических статей VI Международной научно-практической конференции «Русский язык в современном Китае» (г. Хайлар, КНР, Институт русского языка Хулуьбуирского института, 20–22 апреля 2018 г.) / Забайкальский государственный университет. Чита – Хайлар, 2018).

В апреле 2018 года в г. Хайлар (КНР) состоялась очередная научная конференция «Русский язык в современном Китае».

Конференция стала традиционной и проводится в рамках международного сотрудничества с Хулуьбуирским институтом (КНР, г. Хайлар), который входит в число нескольких вузов Китая, получивших государственную поддержку в области сотрудничества с российскими университетами. Два вуза проводят совместные конференции: «Интерпретация текста» – на территории России (г. Чита) и «Русский язык в современном Китае» – на территории Китая (г. Хайлар).

УДК 821.8

О.Ю. Баранова,
Забайкальский государственный университет,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы
E-mail: olesja2774@rambler.ru

Б.М. Сундуева,
магистрант 2-го курса, программа Филология,
профиль «Литература народов зарубежных стран (на русском языке)»

Китайский мир глазами американской писательницы Перл Бак

Аннотация: Статья посвящена творчеству американской писательницы Перл Бак, которое стало первым литературным свидетельством формирования плюралистического мышления XX века, отказом от бинарной

оппозиции Восток-Запад. Её книги отражают сложные процессы преодоления дихотомического принципа мышления, своеобразное объединение двух разнокачественных культур. Встреча Востока и Запада в романах писательницы всегда транспарантна, происходит на уровне культуры, религии, языка, сознания, политики, личной судьбы. П. Бак – первая из писателей, кто демифологизирует, реконцептуализирует образ Китая в западной культуре.

Ключевые слова: встреча культур, двойственность мироощущения, пограничная литература, дихотомия Восток-Запад.

O.Y. Baranova,
TRANS-Baikal state University,
candidate of philology,
associate Professor in the Department of literature
E-mail: olesja2774@rambler.ru

B.M. Sundueva,
2nd year master's student,
Philology program, profile
"Literature of the peoples of foreign countries (in Russian)"

Chinese world in the works of the American writer Pearl Buck

Annotation: The article is devoted to the oeuvre of the American writer Pearl Buck, which was the first literary evidence of the formation of pluralistic thinking of the 20th century, the rejection of the binary opposition East-West. Her books reflect the complex processes of overcoming the dichotomous principle of thinking, a unique combination of two different quality cultures. The meeting of the East and West in the writer's novels is always transparent, occurs at the level of culture, religion, language, consciousness, politics, personal destiny. Pearl Buck considers to be the first writer who demythologizes, reconceptualizes the image of China in Western culture.

Key words: meeting of cultures, duality of attitude, border literature, dichotomy East-West.

Феномен творчества Перл С. Бак состоит в том, что она, являясь белой американкой, большую часть своей жизни прожила в Китае. Получив основы образования у конфуцианского наставника и изучив английский как второй родной язык, она одновременно принадлежала двум мирам, двум

цивилизациям. Обе культуры – и западная, и восточная – в равной степени питали ее талант. Не случайно её не только на родине, но и в Китае называют «the most Chinese American» – «самой китайской американкой» [11, с. 43].

На присуждении Нобелевской премии первой американской женщине-писательнице (1938 г.) представитель Шведской академии отметил, что произведения Перл Бак прокладывают путь к человеческому взаимопониманию вопреки любым расовым барьерам и позволяют изучать общечеловеческие идеалы, которые и составляют вечно живой предмет художественного творчества [14, с.353]. Ответную речь Перл Бак посвящает «Китайскому роману», самым названием подчеркивая роль традиции китайской литературы, эстетики и философии в формировании себя как писателя. Место китайской литературы и китайского романа в творчестве П. Бак остаются актуальной и неизученной страницей ее биографии.

Осмысляя влияние разных культур на себя и свое творчество, Перл Бак отмечает, что при всем значении англоязычной культуры в ее становлении романиста роль китайского романа была решающей: «It is the Chinese and not the American novel which has shaped my own efforts in writing. My earliest knowledge of how to tell and write stories came to me in China» [14, с. 361]. Американская писательница действительно очень хорошо знала Китай, ставший для нее «второй родиной». Ее родители, Абсалом и Кэролайн Сайденстрикер, были американскими миссионерами (интересный факт: отец писательницы первым перевел на китайский язык Библию, да и творчество самой П. Бак можно назвать миссионерским, продиктованным желанием открыть западному человеку новый мир – Китай). Перл Бак родилась в Америке. В трехмесячном возрасте родители увезли ее на долгие годы в Китай. «Перл Сайденстрикер посещала школу при миссии, в 1911 г. уехала в США для учебы в женском колледже Рэндольф-Мейкон в Вирджинии, но в 1914 г. вернулась обратно в Китай, чтобы быть рядом с серьезно больной матерью. В 1917 г. Перл Сайденстрикер стала женой Джона Лоссинга Бака, миссионера и специалиста по экономике сельского хозяйства. Несколько лет

они прожили в Сучжоу, в провинции Аньхой – именно этот край описан Перл Бак в романах «Земля» и «Сыновья» [8].

Вспоминая свои детские годы, она пишет о себе так: «Chinese was my first language... but for the college years I had spoken only my second language, English» [13, с. 137]. Она выросла в окружении китайских слуг, которые любили ее и тайком от родителей давали экзотические сладости. «I confess that sometimes I find myself nostalgic for a house where the servants are humans and not machines...How many happy childhood hours I spent with them and how lonely might I have been at evening when the gates are locked for the night had I not been free to sit in the servants' court, to play with their babies and listen to the music of a country flute or a two-stringed violin!». С особой любовью вспоминала писательница о своей китайской няне Ама, которая привила ей любовь к фольклору и сказкам. На незнакомых улицах Китая она часто отбивала ее от назойливых детей, для которых маленькая Перл была «young kweit-tse – foreign devil!»: «But I didn't consider myself a white person at those days. Even though I knew I was not altogether Chinese...» [13, с. 9]. Гиленсон Б. пишет: «Перл Бак с детства приходилось общаться с простым людом: ремесленниками, мелкими торговцами – теми, кому позднее суждено сделаться персонажами ее романов. Повзрослев, она выказывала неизменную пытливость ума, обладая завидной способностью быстро сходитьсь с разными людьми (она свободно владела китайским), что пополняло бесценный запас жизненных впечатлений» [4].

Благодаря своему китайскому учителю – мистеру Куну, Пёрл в юности познакомилась с конфуцианским учением, а также с шедеврами древнекитайской словесности. Этот факт в ее биографии подчеркивает, что Перл Бак обладала глубокими знаниями о стране, в которой она выросла и жила на протяжении многих лет. Впоследствии, переехав в Америку, она вспоминает о Китае как о самом лучшем периоде в ее жизни: «The first half of my life was spent, but the better half, the longer half...» [2, с. 355], « I am glad that my first years were in an ordered world....it means to a child to live in such a

world, where adults were calm and confident and where the children knew boundaries beyond which they could not go and yet within which they lived secure» [13, с. 17].

Китайский мир писательницы прослеживается не только в ее биографии, тематике произведений, но и в особенностях языка ее прозы. Так, например, появляется слов «doorman» (буквально «человек у двери») вместо doorkeeper – привратник, более привычного для английского языка; калькирование китайских поговорок на английский язык: «drinking tea is like drinking silver», подчеркнута вежливые формулы английского языка, которые странно звучат в речи китайских крестьян и т.д.) [6]. «...Pearl Buck translated herself directly from Chinese into English and always stressed that her first language is Chinese and she is mentally bifocal. That is why her English texts look aesthetically and linguistically «foreign» and Chinese in linguistic structure and semantics: «other-my-son», «electric shades», «firewagon» instead of «train» [12].

Образ Китая, родного и понятного для нее, Перл Бак стремилась отразить в большей части своих произведений. Так, например, Г.А. Чеваско в своей статье «Пёрл Бак и китайский роман» отмечает, что в романах американской писательницы «настолько много Китая», что можно тематически разделить все романы на несколько групп: 1. Повседневная жизнь Китая: «Земля» (1931), «Сыновья» (1932), «Мать» (1933), «Павильон женщин» (1947), «Раба» (1949); 2. Китай в интеллектуальном конфликте с Западом: «Восточный ветер: Западный ветер» (1930), «Первая жена» (1933), «Молодой революционер» (1934), «Разделенный дом» (1935), «Изгнание» (1936), «Ангел-воитель» (1937), «Родственники» (1949); 3. Китай в войне с Японией: «Патриот» (1939), «Драконово семя» (1941), «Обещание» (1943), «Полет в Китай» (1943)» [5].

Неслучайно свой второй роман, за который была награждена Пулитцеровской премией (1932) и медалью Уильяма Дина Хоуэллса от Американской Академии искусств и литературы (1935) «как автор лучшего произведения американской литературы 1930-1935 годов» [3], Перл Бак

назвала «The Good Earth» (1931), в дословном переводе – «Добрая земля». Это роман о китайском крестьянине Ван Луне, который вместе со своей женой О Лан изо дня в день трудится на своей земле, преодолевая бедность, голод, стихийные бедствия.

Поскольку Перл Бак хорошо знала конфуцианское учение и была свидетелем происходящих в стране событий, она мастерски смогла отразить в своем романе традиции и обычаи, характерные для того времени. Необходимо отметить, что в основе китайских традиций лежат семейные ценности, фундаментом которых являются патриархальные устои конфуцианства.

Конфуций разработал целую систему морально-этических догм и норм поведения человека: почитание предков, особенно родителей, любовь к родственникам, уважение к старшим и подчинение им.

Чтобы исключить возмущения со стороны народа своим тяжелым положением, Конфуций предложил идею покорности: «Сын подчиняется отцу, жена – мужу, нижестоящий чиновник – вышестоящему, а все вместе – правителю» [10, с. 143]. Так, в романе главный герой Ван Лун, следуя воли отца, берет в жены О Лан – рабыню из богатого дома Хуанов. Семья Ван не может себе позволить просить в жены никакую другую девушку, кроме рабыни. Отец настаивает, чтобы будущая невестка была не слишком молода и не очень красива. «Ван Лун знал, что отец говорит правду, и хотя ему пришлось пережить внутреннюю борьбу со своей плотью, он подчиниться воле отца. Ван Лун – любящий и уважающий своего отца сын: во время массового голода «старик жил лучше, чем другим, потому что ему давали есть первому... Ван-Лун говорил себе с гордостью, что в смертный час никто не сможет упрекнуть его, что он забывал отца». Ван Лун строго следует принципам этических и нравственных норм об уважении старших: несмотря на дурной характер своего дяди и его семьи, он не может отказать им ни в деньгах, ни в крове.

Одну их основных тем романа писательница видит в изображении

тяжелого положения китайских женщин. Они должны были придерживаться кодекса поведения «Трех Покорностей и Четырех Добродетелей», где «три покорности» (三从) приписывали женщине повиноваться своему отцу до замужества, своему мужу после замужества и своему старшему сыну после смерти мужа. «Четыре женские добродетели (四德) подразумевали, что, во-первых, женщина не должна выделяться своими способностями на фоне окружающих её людей. Также ей предписывалось быть аккуратной, честной, тихой и спокойной. Во-вторых, женщина должна была демонстрировать «скромность в речах». Ей не следовало быть красноречивой, вступать в споры, говорить красивые и умело подобранные слова. Третья добродетель определялась как правильная «женственность». Лицо женщины не должно быть красивым и слишком привлекать внимание окружающих. Последней добродетелью в женском кодексе была искусность. Женщина должна терпеливо ткать, уметь приготовить на стол положенные блюда и чисто убрать кухню – в этом состояло ее «трудолюбие» [7]. О Лан присущи все эти черты: она повинуется своему отцу, которому приходится продать ее в богатую семью в качестве рабыни. Главная героиня романа молчалива, тиха. Имея некрасивое лицо и большие «уродливые» ноги, она все силы направляет на работу в поле, пытаясь заслужить любовь и уважение мужа. Когда в ее руки по счастливой случайности попадают драгоценности, она с покорностью отдает их Ван Луну. Даже последние две жемчужины ей приходится отдать ему в качестве подарка для своей наложницы.

Рождение девочек в китайской семье считалось несчастьем, так как, выходя замуж, она покидала родной дом и становилась частью чужой семьи. Когда у О Лан третьим ребенком рождается девочка, она с горечью вынуждена признать: «Все кончилось. На этот раз это только рабыня. Не стоит о ней говорить. Ван Лун стоял неподвижно. Несчастье поразило его. Девочка! Девочка была причиной беды в доме его дяди. А теперь и в его доме родилась девочка» [1]. Ребёнка пришлось удушить, тем более что в деревню

пришли голод и засуха.

Мальчики же по сравнению с девочками имели превосходство во всем. Они были продолжением рода. Так, когда у Ван Луна родился сын, чтобы показать свое счастье, он купил корзину яиц и покрасил их красным цветом, так что каждый мог знать, что в его доме родился мальчик. Однажды он испугался своих мыслей о том, какой у них красивый сын: «И вдруг среди порыва радости его сердце сжалось от страха. Как глупо он делает, что идет вот так, под открытым небом, и несет красивого мальчика, которого может видеть каждый злой дух, случайно пролетающий мимо по воздуху! Он торопливо распахнул халат, спрятал голову ребенка у себя на груди и сказал громко:

«– Какая жалость, что наш ребенок никому не нужная девочка, да к тому же еще и рябая! Будем молиться, чтобы она умерла.

– Да, да! – подхватила жена, насколько могла быстро, смутно понимая, как неосторожно они себя вели» [1].

Многие американские литературоведы с восторгом приняли этот роман. Критик Джейсон Линдсей пишет: «За очень короткое время половина населения земного шара прониклась пониманием психологии китайцев». Продолжая мысль Линдсея, авторитетный американский критик Карл Ван Дорен пишет, что «в Соединенных Штатах, благодаря «Земле» люди узнали китайцев так же хорошо, как своих соседей». По его мнению, Перл Бак «добавила к Америке одну из самых больших провинций». Подтверждением справедливости этих слов может служить отзыв Митчела Кеннерли: «Произведение гения ... Я прочел эту книгу на одном дыхании. ... С первых же страниц я забыл, что читаю о китайцах. Было такое ощущение, будто я всю жизнь прожил с этими людьми, отличающимися от нас только названием страны и манерой одеваться» [2].

Несмотря на престижные литературные награды, стремление познакомить Китай с Западом, признания большого количества читателей, Перл Бак для многих китайских критиков оставалась культурным

«аутсайдером». Так, в своей книге «My Several Worlds» она приводит в качестве примера письмо, которое было адресовано ей через газету «The New York Times». Китайский профессор Kiang Kang Hu обвиняет ее в том, что в своих работах она «описывает свою юность в Китае, которая прошла под влиянием слуг и нянечек, выходцев из бедных семей и низших слоев населения... Их идея жизни неизбежно странна, общие знания ограничены. Они составляют большинство населения страны, но, вне всякого сомнения, не могут быть представителями китайского народа» [13, с. 326]. Далее он пишет: «Once a Chinese mandarin sat for his potrait by an artist of the Western school. After the work was done he found his official button, which was on the top of his cap, was hidden and, moreover, his face was half black and half white! He was very angry and would never accept the artist's explanation and apology, so vast was the difference between their conceptions of correct portraiture and the use of perspective. It arouses in me almost the same feeling when I read Pearl S.Buck's novels of Chinese character. Her portrait of China may be quite faithful from her own point of view, but she certainly paints China with a half-black and half-white face, and the official button is missing!» [13, с. 320].

Конечно же, подобная критика ее расстраивала. Возможно, поэтому своей книгой «My several worlds» она стремилась подтвердить свое право на знание и понимание Китая: «I can write only what I know, and I know nothing but China, having always lived there. I have had few friends of my own race, almost none intimate, and so I write about the people I do know. They are the people in the China I love best to live among, the everyday people» [13, с. 324].

Будучи американской писательницей, Перл Бак «не вписывалась» в литературу американского мейнстрима. То же самое можно сказать и о литературе Китая: она писала об этой стране, но ее нельзя было назвать китайским автором. Двойственность мироощущения, положение «между», на «стыке» двух культур в то время казался непонятным и странным явлением. Впоследствии этот феномен получит название «пограничная литература», и интерес к Перл Бак примет новые формы.

Существенно изменилось отношение к романам П.Бак после 1991 года, когда в Китае состоялся симпозиум, посвященный её литературному творчеству. Участники, известные китайские литераторы и исследователи ее творчества, официально признали огромное значение произведений писательницы для развития литературы Китая. Перл Бак была названа «первым за историю китайской литературы автором, которая открыла «настоящий Китай» для всего мира...» [5].

Кан Ляо в своей книге «Перл С. Бак. Культурный мост через Тихий Океан», считает, что Перл Бак помогла и американским, и современным китайским читателям понять положительное начало многих старых китайских обычаев, кажущихся сейчас странными, например, устроенный родителями и свахой брак и многоженство, которые помогали бедным семьям устраивать своих дочерей, чтобы те не умерли от голода» [2, с. 22].

Долгое время писательница находилась в «литературном забвении». Почти все ее произведения были в Китае, как и в СССР, под запретом. «However, in the 1990s, when Peter Conn was conducting research for his cultural biography of Buck, his discussions with Liu Haiping of Nanjing University convinced him a shift was occurring in China. A group of young scholars, De Heng Fan, began translating Buck's oeuvre into Chinese for a new generation. The reaction to these works was much like... the shock of recognition» [9, с. 15].

По словам Рэкмана, в мае 2012 года в Нанкинском университете на международном симпозиуме китайские правительственные органы и американские дипломаты санкционировали восстановление репутации Бак, которое едва ли можно было представить даже десять лет назад.

Романы Перл Бак – это духовная миссия художника, они дали возможность американскому и вообще западному читателю прикоснуться к классической китайской культуре, расшатывая господствовавшие в мире антикитайские стереотипы. Она первая начала прививать Западу иной взгляд на китайскую культуру, не романтизируя её и не выражая негативной оценки. Ее восприятие мира и проблем человека было «планетарным», лишенным

одноцентризма, что не менее актуально и сегодня, как и то, что её творчество – это способ преодоления разного рода «центризмов»: политических, идеологических, художественно-эстетических, стремление показать, что встреча двух разнокачественных культур может быть плодотворна для обеих.

Список литературы

1. Бак Перл. «Земля» // URL: <https://litlife.club/bd/?b=189911>.
2. Безрук Ю. Роман Перл Бак «Земля» в контексте общественно-политических проблем США начала 1930-х годов. // URL: <http://noblit.ru/node/3436>.
3. Бутенина Е. Под знаком ветра и воды: Проблема гибридной идентичности в китайско-американской литературе // URL: www.academia.edu.
4. Гиленсон Б. Китайские годы Пёрл Бак. Нобелевская речь // URL: <https://document.wikireading.ru/76631>.
5. Ленина Д.А.. Рецепция творчества Перл Бак китайской литературной критикой. Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 33. Н.Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2016. 204 с.
6. Липина В. «Китайская жемчужина» американской литературы: феномен творчества Перл Бак. // URL: www.noblit.ru/node/3225
7. Образ новой женщины Китая первой трети XX в. // Синология.Ру / URL: www.synologia.ru/a/
8. Панова О. Перл С. Бак и СССР. Литература двух Америк. № 2. М.:ИМЛИ РАН, 2017. 480 с.
9. Рэкман Стивен. Перл С. Бак в истории литературы. Литература двух Америк. № 2. М.:ИМЛИ РАН, 2017. 480с.
10. Сидихменов В.Я. Китай. Страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2000. 464 с.
11. Leong Karen J. The China Mystique: Pearl Buck, May Wong, Mayling Soong, and the Transformation of American Orientalism / Karen Leong. Berkeley: University of California Press, 2005.
12. V.I. Lipina. Pearl S. Buck's comparative poetics: The Chinese novel versus the Western canon. V. I. Lipina Oles' Honchar Dnipropetrovsk National University, Ukraine // URL: <https://anglistika.dp.ua/index.php/AA/article/download/25>.
13. My several worlds: Buck, Pearl.S.: Free Download Streaming... // URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.461680>.
14. Nobel Lectures. Literature. 1901 – 1967 / Ed. By Horst Frenz. Singapore: WorldScientific Publication Co, 1999.

А.В. Зимняков,
игумен Симеон, благочинный Краснокаменского округа,
настоятель Храма Спаса Нерукотворного образа г. Краснокаменска

А.Е. Горковенко,
Забайкальский государственный университет,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка как иностранного
E-mail: angor.10.09.66@mail.ru

Православное миссионерство в Китае

Аннотация: В статье анализируются критерии оценки положения православия в Китайской Народной Республике и перспективы его развития в контексте миссионерской деятельности. Исследование укладывается в рамки периода, определяемого параметрами XVII–XXI веков. Указанные автором политические факторы, связанные с Октябрьским переворотом, Гражданской войной и дальнейшей политикой советского государства во многом определили динамику исследовательского интереса к данной проблематике. Автор рассматривает проблему с позиций исторического и социокультурного аспекта миссионерской деятельности Русской православной церкви. Эмпирической базой выступают заметки участников событий, интервью исследователей, доклады, статьи. Были выделены и логически обоснованы факторы, определяющие вектор миссионерской деятельности Русской православной церкви. В статье определены объективные и субъективные причины сложного положения православия в КНР, раскрыты цели и задачи, выявлены и представлены механизмы их реализации.

Ключевые слова: православие в Китае, миссионерская деятельность, критерии развития, социокультурные факторы, христианство, просветительская деятельность, проповедь, о. Деонисий, святитель Николай Японский, «Русское Православное Братство», православная культура, китайская культура.

A.V. Zimnyakov
Abbot Simeon,
the Dean of the Krasnokamensk district,
rector Of the Church of the Savior of the miraculous image of Krasnokamensk

A.E. Gorkovenko
TRANS-Baikal state University,
candidate of Philology, associate Professor,

Orthodox missionary work in China

Summary: The article analyzes the criteria for assessing the situation, prospects for the development of Orthodoxy in the People's Republic of China in the context of missionary activity. The work is within the framework of the period determined by the parameters of the XVII-XXI centuries. The political factors associated with the October coup, the civil war, and the subsequent policies of the Soviet state pointed out to a large extent the dynamics of the research interest in this problem. The author considers the problem from the standpoint of the historical and sociocultural aspect of the missionary activity of the Russian Orthodox Church. Empirical basis are notes of participants in the events, interviews of researchers, reports, articles. The factors determining the vector of the missionary activity of the Russian Orthodox Church were singled out and logically justified. The objective and subjective reasons of the difficult situation of Orthodoxy in the PRC are defined in the work, the goals and tasks are revealed, the mechanisms for their implementation are revealed and presented.

Keywords: Orthodoxy in China, missionary activity, development criteria, socio-cultural factors, Christianity, enlightenment, sermon, Fr. Deonisius, St. Nicholas of Japan, "Russian Orthodox Brotherhood", Orthodox culture, Chinese culture.

Православие в Китае – тема не новая и не старая, к тому же автор видит свою задачу не в освящении истории православия или деятельности православной миссии, а в поиске подходов к пониманию проблемы тех результатов миссионерской деятельности Русской православной церкви (РПЦ), её состояния в Китае, которые мы наблюдаем в настоящее время.

Интерес учёных к теме деятельности РПЦ и православной миссии в Китае проявлялся до периода Октябрьской революции 1917 г. Тема миссии в зеркале российско-китайских взаимоотношений, её влияние на всю систему развития взаимопонимания между двумя нашими странами была в центре изучения данной проблемы. Исследователи подчёркивали то непреходящее значение, которое играла православная миссия для России. Они стремились раскрыть во всей полноте историю духовной православной миссии, действовавшей в Пекине. После Октябрьской смуты исследование данной

проблемы практически прекратилось, тема оказалась безынтересной и невостребованной. Новые темы и новые веянья захватили умы историков, философов и других учёных. Возвращение данной тематики можно отнести к периоду конца 60-х и начала 80-х годов, что связано с обострением советско-китайских отношений, вылившееся в пограничные конфликты, в том числе вокруг острова Даманский и озера Жаланашколь.

Изучению христианства в КНР, деятельности православной духовной миссии посвящены работы В.Ф. Быкова, Л.С. Васильева, Д.В. Дубровской, Д.Е. Фурмана, В.М. Алексеева, В.В. Бартольда, П.Е. Скачкова, А.Н. Хохлова, С.Л. Тихвинского. Начиная с 1990-х гг., тематика и проблемное поле исследований значительно расширяется, растёт количество публикаций, что говорит не только о значительном интересе исследователей к этой теме, но и более углублённом подходе к её освещению.

Деятельность Русской духовной миссии в Пекине и проблемы в целом возрождения и становления православия в Китае привлекают внимание учёных.

Немалый вклад в исследование православия в Китае внёс протоиерей Дионисий Поздняев. Его перу принадлежит ряд статей: «Православие в Китае (страницы истории)», «Церковь на крови мучеников. К истории Российской Духовной Миссии в Китае», «Православная церковь в Китае – проблемы и перспективы». Из недавних исследований, посвящённых истории Российской духовной миссии в Китае, можно назвать монографию В.Г. Дацышена «История Российской Духовной Миссии в Китае», изданную в Гонконге в 2010 году.

Все работы, за редким исключением, не ставят перед собой цель рассмотреть критерии оценки положения и перспектив развития православия в Китайской Народной Республике в свете миссионерской деятельности. Более того, не выработано достаточно однозначных подходов к данной проблеме. Более или менее хорошо обстоят дела в историческом подходе к этому вопросу, менее всего в социокультурном аспекте.

Начнём с простейших постулатов. Итак, «миссия» (от лат. *missio* – посылка, поручение) в переводе с греческого понимается как священноапостольство. Иными словами христианская церковь – это (как звучит в символе веры) именно апостольская церковь, и миссионерская деятельность является важнейшей формой её служения. По свидетельству отцов церкви, «церковь существует для миссии, а не наоборот. Миссия – это действие Троица Божия, служение, в котором христиане как свидетели истины имеют привилегию участвовать. Участие в миссионерстве означает сотрудничество Богу, ниспосылающему людям свою любовь. Это – служение, помогающее людям обрести эту любовь и усвоить её плоды».

Критерий – (от греч. *kriterion* – средство для суждения) – признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило оценки. Для выработки критериев необходимо выделить некоторые исторические события, на фоне которых эти критерии могут быть рассмотрены (т.е. оценка среды – внешний фактор) и собственно факторов, участвующих в церковном, миссионерском взаимодействии (внутренний фактор). Как известно, методология исследования определяется не только выбором и формулированием цели исследования, задач и постановки проблемы, но и определением подхода к рассмотрению темы исследования.

Объектом нашего исследования является православие в Китае, в качестве предмета исследования выступает положение и развитие православия с позиций миссионерской деятельности. Мы попытаемся рассмотреть проблему с некоторых сторон исторического и социокультурного аспекта этой деятельности. Эмпирической базой выступают заметки участников событий, заметки исследователей, доклады, статьи.

Китайская Народная Республика – это крупнейшее государство в мире, граничащее с Россией. История миссионерской деятельности Русской православной церкви уходит в глубину веков, но оглядываясь с того времени в сегодняшний день, мы видим, что православная миссия в Китае не достигла

тех успехов, которых мы были бы вправе ожидать от неё, тем более, что эта деятельность омыта кровью 222 христианских мучеников-китайцев, убитых в 1900 году во время восстания ихэтуаней.

Как известно, после Боксёрского (Ихэтуаньского) восстания в среде православных священников возникали сомнения в успешной миссионерской деятельности. Были предложения даже закрыть миссию. Здесь мы подходим к одному очень интересному моменту. Этот момент заключается в том, что русская культурная традиция сформировалась именно как православная, и даже в период политических гонений и преследования церкви эта связь с православием не пресекалась. Мы можем говорить, что русский народ сформировался именно как русский в православном понимании, то есть в традициях русской православной церкви. В Китае православной миссии пришлось столкнуться с целым рядом значительных трудностей, культурная традиция китайского народа была чужда христианству, в некоторой мере, даже противоположна ему. Миссионерская деятельность русской православной церкви на просторах Российской Империи среди других народов развивалась в рамках российского законодательства, в Китае такого, естественно, не было. Как уже известно, к 1917 году в Китае насчитывалось около 6200 православных китайцев. На дальнейшее распространение православия в этой стране сыграли революции 1917 года в России и последующая затем Гражданская война. На это наложило отпечаток то, что происходило в Китайском государстве. К 1917 году православная миссионерская деятельность в Китае почти прекратилась. В Китай хлынул поток белоэмигрантов, и деятельность православной церкви сфокусировалась прежде всего на окормлении формирующихся приходов русских эмигрантов.

Как известно, миссионерская деятельность РПЦ формировалась в кирилло-мефодиевской традиции, и здесь возникали очень большие трудности ввиду неподготовленности кадров, незнания ими на достаточно высоком уровне китайского языка и культуры. Это усугублялось ещё и тем, что часть миссионеров с «прохладцей» относилась к своим обязанностям и

вызывала недовольство местного населения.

Александр Ломанов, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, член Европейской ассоциации китаеведения, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике», в беседе с Леонидом Виноградовым замечает, «что в те же 1920-е годы в Китае произошёл всплеск революционности, пропитанной духом национальной независимости и освобождения от иностранного господства. Поэтому... среди китайских православных священников возникло стремление к тому, чтобы Китайская Православная Церковь получила автономию. Эти процессы происходили тогда и среди инославных» [7]. В.Г. Дацышен в работе «Христианство в Китае: история и современность» отмечает, что после известных событий Синьхайской революции в КНР значительно были расширены возможности и права христианских миссионеров различных религиозных конфессий. Он отмечает, что в этот период активизировалась работа западных проповедников в Китае. Более того, они стали применять новые формы и методы в своей деятельности. Причём в этой деятельности они широко пропагандировали элементы западной культуры, используя при этом любовь и уважение китайцев к достижениям научно-технического прогресса, а также философско-социальных идей развития общества. Таким образом, по мнению исследователя, православным миссионерам пришлось столкнуться с довольно-таки хорошо финансируемой деятельностью и пропагандой инославных миссионеров [1]. Таким образом, отметим два следующих положения:

- В начале XX века православное миссионерство столкнулось с успешным, хорошо материально- и кадровобеспеченным инославием.
- Культурные, социальные идеи, научно-технические достижения не рассматривались в русской православной церкви как инструменты, сопряжённые с миссионерской деятельностью.

Вследствие вышеназванных причин и неимением альтернативы данному подходу количественные показатели распространения православия и инославия сложились в пользу последнего. О качественном соотношении с позиций православного человека и так всё понятно.

Александр Ломанов в уже упоминаемой нам беседе говорит, что печальные события Ихэтуаньского восстания породили значительные проблемы в восприятии миссионерами особенностей и ценностей китайской национальной культуры. Это было обусловлено тем антихристианским элементом, который присутствовал в умах восставших китайцев. Антихристианизм оправдывал убийства и преследования христианских проповедников и тех китайцев, которые обратились в христианскую веру. По мнению православных миссионеров, подчёркивает Александр Ломанов, китайцы должны были воспринять именно православные ценности, православный взгляд на окружающий мир, и это бы гармонизировало взаимоотношение китайского населения и деятелей русской православной миссии [7].

Англичане по этому поводу говорят: «The road to hell is paved with good intentions». На наш взгляд, это слишком радикальная позиция, но, тем не менее, стратегическая ошибка присутствует, в случае если такое объяснение имеет действительно место.

Вернёмся к историческим аспектам. В статье А.Б. Ефимовой и О.А. Меркуловой «История православия в Китае в XX веке» говорится, что события Гражданской войны в России породили новые исторические реальности. Миссионерские станы прекратили свою деятельность, громадные потоки беженцев, прибывающих в Китай, создали новую реальность: необходимо было строить приюты, какие-то места отдыха и проживания, больницы, столовые, различные центры помощи и благотворительности «Братства Православной Церкви». Под его попечительством находятся и библиотеки, и центры помощи, там же была создана и прогимназия, открыты новые больницы. 1928 год – это год открытия широко известного дома

милосердия преподобного Серафима Саровского. Там же выделяется молитвенное помещение и позже создаётся молитвенный дом. «Русское Православное Братство», созданное в 1923 году, также принимало активное участие в актах благотворительности в помощи нищим, одиноким и престарелым, больным и нуждающимся в материальной помощи. Братство не ограничивало этим свою деятельность. Оно организовало работу коммерческого училища, русской школы. Среди населения читались лекции, на собраниях обсуждались различные вопросы социальной и религиозной жизни [5]. Итак, мы можем констатировать, что в силу внешних причин вектор деятельности миссии был направлен в другую не мессианскую сторону, что неизбежно ослабило результаты самой деятельности. Этот фактор мы отнесём к объективным негативным факторам, но он имел место.

Отвечая на вопрос «Чего же не хватило?», мы отойдём от чисто научных изысканий к более глубоким. Воля Бога всегда стремится к тому, чтобы человек приблизился к нему. Именно любовь к человеку и послужила основой его создания. Иногда человеку необходимо пройти какие-то скорби, лишения, чтобы почувствовать то, насколько человек любит Бога и насколько Бог любит человека. Божий промысел иногда попускает для человека те или иные скорби. Эти скорби необходимы для его вразумления, ибо преодолевая трудности, человек очищается, прежде всего, внутренне, проходя через горнила болезни во славу Божию, человек становится на путь истинный, на путь спасения. Иногда стоит задуматься, что когда человек лишён скорби и болезни, что-то в его жизни не так, что его ожидает страшный суд по окончании его жизненного пути. Божий промысел иногда приходит к нам в жестоких болезнях, а иногда в целых катаклизмах. Среди этих катаклизмов – Октябрьский переворот 1917 года, очень сильно отразившийся на жизни не только русского народа, но и других народов России. Эти события наложили отпечаток и на судьбы людей, которые попали в Китай, прежде всего эмигрантов, и на судьбы самих китайцев. Одним из высших служений Богу является апостольское служение, а венцом служения человека Богу, является

мученический венец. Ярким примером такого служения является служение в Японии выдающегося христианского миссионера Святого Николая. В своих дневниках Святитель Николай подробным образом описывает те качества, которым должен обладать современный миссионер. Важнейшим из всех качеств, по мнению Святителя Николая, является смирение, высочайшее терпение, молчание. Это то, чему должен научиться христианский проповедник. Христианское слово проповеди, по его мнению, должно быть очень взвешенным, выверенным, согласованным с собственной совестью. В таком подвижнике, в котором главное усилие будет направлено на правду Божию, будет проявляться и воля Божия. Не самоуничижение, а явное понимание своей немощи, своей греховности позволит миссионеру, монаху преодолеть соблазны внутренние и соблазны внешнего мира. Он выступает здесь, прежде всего, как ученик, нисколько не превозносящий себя, смиренно относящийся к окружающим его людям. Словами «сделайте одолжение» начинается каждая его просьба, может быть, у некоторых будет возбуждаться и зависть, и злоба по отношению к нему, но в ответ он должен платить любовью, доброжелательностью, ревностью о божьей истине, подавляя в себе любой зародыш недоброжелательства, противодействуя любой вражде. Святитель Николай говорил, что внешние обстоятельства нельзя изменить, нельзя изменить то, что иногда окружает человека, должен измениться сам человек, его внутренний мир, и, преодолевая те или иные препятствия, настоящий проповедник ничего не приписывает себе, своим заслугам и своим достижениям. Он должен даже не обращать внимания ни на какие элементы враждебности, недоброжелательности, за зло платить добром. Именно тогда сам миссионер, не ведая того, превращается в тот центр, вокруг которого строится и кипит религиозная деятельность. Парадокс заключается в том, что вокруг этого человека люди начинают чувствовать себя совершенно иначе. По-другому, в нём нет ни толики эгоцентризма. Все силы его отданы проповеди Евангельской. Истину божью несёт он. Именно такая деятельность Святителя Николая снискала ему значительную любовь среди японцев. При

нём были открыты собор, свыше 175 церквей, 276 приходов, был рукоположен один епископ, 34 священнослужителя (Иереев), 8 дьяконов и подготовлено 115 проповедников, более 34 тысяч человек православных верующих – всё это было результатом его деятельности [5].

Обратимся к другой работе. В статье О.И. Курто «Современные проблемы православной церкви в Китае» автор утверждает, что с самого начала работы православной миссии в Китае миссионеры не вступали в конфликтные отношения ни с местным населением, ни с существующей властью, исходя из своего представления о том, что необходимо соблюдать местные законы и традиции. За всё время работы духовной миссии среди переселенцев и потомков этих переселенцев вера этих людей оставалась крепкой, и до сих пор многие из них сохранили своё трепетное отношение к православию. Если говорить о работе миссии в 20 веке, то можно констатировать, что до середины этого века её деятельность была успешной. Православной пастве в Китае принадлежали многочисленные церкви, территории, храмы и монастыри. Тем не менее, по утверждению автора, тяжёлые раны были нанесены православным приходам в Китае и Октябрьским переворотом, и Гражданской войной, и японской агрессией и оккупацией, и Второй мировой войной, а также последовавшей далее культурной революцией. Эти события ослабили работу церкви и в конечном итоге привели к тому, что 30 июля 1954 года русская православная духовная миссия была упразднена, т.е. прекратила своё существование. Часть зданий и земель были переданы в ведение посольству СССР в Китае [6].

Положение Китайской автономной православной церкви можно считать очень тяжёлым. В церкви отсутствует свой предстоятель, нет священников, не проводятся службы, за редким исключением служб мирским чинам. По утверждению Митрополита Волоколамского Иллариона, в Китае осталось совсем мало православных верующих. Их положение очень тяжёлое, так как они фактически лишены права на полноценную православную религиозную жизнь. Отсутствуют богослужения, люди лишены обыкновенного,

пастырского окормления. Хотя можно прийти в храм, можно поставить свечу, но нельзя услышать церковного пения, нельзя поучаствовать в церковной литургии. Храмы в Китае лишены полноценной жизни, которой они наполнены в России. Иностранцам священникам запрещено проводить службы в китайских храмах. Некоторые исключения составляет Гонконг как территория, где действуют несколько иные законы.

О. Дионисий Поздняев существующее здесь положение характеризует как «двойной вакуум». Число инославных в Китае значительно возросло. По оценкам специалистов, их численность оценивается от 35 до 70 млн. человек. Особые успехи здесь достигнуты протестантскими церквями. То есть духовный вакуум, образовавшийся в Китае, заполняется инославным содержанием. Бывает трудно понять, но следует учитывать то, что фактически в XX в. рост числа православных в КНР подпитывался миграционными потоками из самой России. В самом китайском обществе также возникает духовный дуализм. Некое возрождение традиционализма сталкивается с либерализмом, притекающим, прежде всего, из западного мира. Это противостояние, это противоречие порождает желание разобраться во всём и найти своё место. Китайцы находятся тоже в довольно сложном состоянии. С одной стороны, они пытаются сохранить свою национальную идентичность, свои традиции, своё миропонимание, которое они связывают, прежде всего, с Конфуцианством; с другой стороны, наблюдается поиск истины, хотя в китайском обществе эти поиски не выходят за рамки традиционных представлений, веками складывавшимися в китайском обществе. С этих позиций власть стремится опереться именно на фундаментальные основы традиционного китайского мировоззрения. В рамках существующих традиций у китайской бюрократии накоплен значительный опыт не только контроля над социальными институтами и организациями, но и над умами жителей Поднебесной. Необходимо отметить, что внутренняя политика китайских властей основывается не на какой-то абсолютно незыблемой догме, она коррелируется, корректируется в

зависимости от новых задач, от новых вызовов, которые бросает китайскому обществу современная цивилизация. Поэтому китайское общество находится в процессе трансформации, и эти тенденции в дальнейшем в Китае будут нарастать. В этой связи представляется возможным активизация и возрождение православной миссионерской и иной деятельности на территории Китая. Православие, как известно, обладает значительным опытом духовной практики. Оно даёт ответы человеку на многие вопросы жизни, оно показывает ему путь к истине, который не знаком современному китайскому обществу. В этом смысле живая духовная традиция православия должна и может быть ответом на духовные поиски китайского народа. По мнению О. Дионисия, это и должно быть положено в основание фундамента деятельности, возрождающейся православной церкви в КНР.

О.И. Курто в своей работе «Современные проблемы православной церкви в Китае» исходит из того, что существующее положение православия в Китае диктует проведение миссионерской деятельности из реалии сегодняшнего дня и особенностей законов Китайской народной республики. Он предупреждает, что непродуманная миссионерская деятельность может иметь далеко идущие негативные последствия и поэтому должна осуществляться с осторожностью и продуманностью. В настоящее время руководство миссионерской деятельностью русской православной церкви осуществляет Отдел внешних церковных связей.

В этой связи нам представляется, что одной из **первых задач** должна быть задача организации священноначалия в среде китайского населения, граждан Китая, только механизм её реализации должен действовать в рамках социокультурного подхода [6]. Обозначим этот механизм как многоуровневый (пока это на дискуссионной основе):

- Создание постоянно действующих русско-китайских центров (клубов...) культурного обмена, культурного взаимопросвящения (дружбы...) при областных (краевых, городских) министерствах, отделах культуры,

администраций с обязательным привлечением тоже на постоянной основе епархиальных работников, в том числе для ведения там миссионерской деятельности.

- Организация постоянно действующей системы обмена и обучения студентов между институтами (факультетами культуры) и их аналогами в Китае (туда посылаем православных студентов, а в России привлекаем для обучения православных преподавателей, профессоров, доцентов).

- Под управлением отдела внешних церковных связей РПЦ организовать взаимодействие с инославными религиозными организациями с целью ведения миссионерской деятельности, особенно с легальными, «патриотичными» католиками и протестантами (да повернёт их к православной совместная деятельность).

Второй задачей видится решение проблем обрядности, совмещение китайской культуры и православной культуры и обряда в рамках православных канонов, может быть, что-то в виде сыропустной недели (в простонародье – «масленицы»), так, по мнению В.Г. Дацышена в его работе «Христианство в Китае: история и современность», перед православием, как перед другими конфессиями в Китае, на сегодняшний день вновь стоит проблема культурной адаптации. Китайские христиане особое внимание должны уделять почитанию предков. С другой стороны, некоторые традиции православной церкви, такие как почитание икон через целование или причащение одной ложницей, представляют некоторую сложность для китайцев.

Третьей задачей представляется задача проведения кинофестивалей (к примеру, одномесячных, с показом православных фильмов), крестных ходов в рамках «особых» отношений дружбы между Китаем и Российской Федерацией под патронажем министерства культуры и иностранных дел в честь значимых церковных дат.

В дальнейшем же будут появляться новые цели и задачи, которые потребуют новых механизмов их решения.

Список литературы

1. Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно образовательный форум по международным отношениям, 2007. 240 с.
2. Дроботушенко Е.В. Православие в Китае во второй половине 40-х гг. XX века по документам Государственного архива Российской Федерации // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11. № 4. С. 86–92. DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-86-92.
3. Ду Иоанн, протоиерей. Распространение Русской православной церкви в Тяньцзине и его окрестностях // Китайский благовестник. 1999. № 2.
4. Епископ Белгородский. Миссия в Русской Православной Церкви в современных условиях // Христианские миссии в XVIII–XX вв.: сб. докладов научной конференции // URL: http://www.srcc.msu.ru/bib_roc/bib/ItemsR418.htm#I418 (дата обращения 01.04.2018).
5. Ефимов А.Б., Меркулов О.А. История Православия в Китае в XX в. // XVI Ежегодная Богословская Конференция ПСТГУ. Т. 2. М., 2006. С. 78–84.
6. Курто О.И. Православие в Китае // Мир Божий. М., 2009–2010.
7. Ломанов А.В. Раннехристианская проповедь в Китае // Китайский благовестник. № 1. 1999.
8. Поздняев Д. Православие в Китае (страницы истории) // Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. События. Дискуссии. 2001. №1. С. 165–181.
9. Поздняев Д. Церковь на крови мучеников. К истории Российской Духовной Миссии в Китае. (1900–1917) // Грани. 1997. №153. С. 250–274.
10. Поздняев Д. Православная церковь в Китае – проблемы и перспективы // Христианство на Дальнем Востоке: материалы международной научной конференции. 19–21 апреля 2000 г. Владивосток, 2000. С. 147–149.
11. Поздняев Д. Православие в западном Китае. Изд-во Встреча, 1997.
12. Чуприна М.В. Эмиграция гражданского населения из России в Китай и ее особенности (1917–1945 гг.): к итогам исследования // URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/articles/Chuprina_Emigration-Russia-China.pdf (дата обращения 01.04.2018).

Н.У. Ганиев
Навоийский государственный горный институт,
(г. Навои, Узбекистан)
старший преподаватель кафедры узбекского и иностранных языков
E-mail: mahmudravshanov@rambler.ru

Лингвистика городов Центральной Азии

Аннотация: В данной статье представлен результат исследований топонимов крупных городов Центральной Азии. Автором проанализированы этнографические, исторические и лингвистические особенности названий крупных городов Центральной Азии. Изучение топонимов городов Центральной Азии имеет особый интерес и своеобразие. Они отличаются от городских топонимов других стран мира.

Ключевые слова: топонимы городов центральной Азии, этнография, история и лингвистика топонимов.

N.U. Ganiev
Navoi state mining Institute,
(Navoi, Uzbekistan)
senior lecturer of the Department of Uzbek and foreign languages
E-mail: mahmudravshanov@rambler.ru

Linguistics of cities of central Asia

Annotation: In given articles are investigated materials on toponyms big cities of the Central Asia. By us are analyzed ethnographic, historical and linguistic features of big cities of the Central Asia. Studying toponyms cities of the Central Asia has a particular interest and an originality. They differ from city toponyms other countries of the world.

Key words: toponyms cities of the central Asia, ethnography, history linguistics.

В данной статье мы хотим кратко представить обзор происхождения имён республиканских столиц.

Алма-Ата. Обычен перевод – «отец яблоч», что неточно передаёт казахский оригинал Алматы – «яблочное». В 1854 г. здесь, в урочище под

таким названием, было основано Заилийское укрепление. В следующем году оно переименовано в город Верный. После Октябрьского переворота в 1921 г. был восстановлен местный казахский топоним, но уже в форме Алма-Ата, хотя на казахском языке осталось оригинальное написание. Происхождению этого названия специальную статью посвятил Г.К. Конкашпаев, который писал о продуктивности казахских топонимов на -ата: Хорсан-Ата, Сунак-Ата, Баба-Ата, Аулия-Ата. Ата – «отец, дед, святой» – встречается в географических названиях мазаров, развалин, городищ, пещер, тёплых минеральных источников. По существу Алма-Ата оказалась втянутой в этот топонимический ряд на -ата. В действительности город получил своё название по гидронимам Алматы: две реки – Большая и Малая Алматинка – протекающие через бывшую столицу Казахстана, имеют в своих названиях финаль -ты. Е. Койчибаев [5] название Алма-ата трактует как ороним, в котором современное тау – «гора» имеет архаическую форму ты – «гора», и приводит такой ряд: Архаты – «гора архаров», Аршаты – «можжевеловая гора», Караганы – «сосновая гора», Жаманты – «пологая гора», Бугуты – «оленья гора», Моинты – «шееобразная гора» и т.д.

По этому поводу Г.К. Конкашпаев напоминает, что форма Алматы (ср. г. Алмалык – город в Ташкентской области), т.е «изобилующий яблоками», происходит от слова алма – «яблоко». Тюркский формант -лык заменился монгольским формантом -ты, имеющим то же значение. Исследователь Ц.Д. Номинханов, посвятивший специальную статью названию Алма-Ата (1958), пишет о монгольских местоименных формантах -ту, -тай, -тэй, -той, -та. Поэтому все названия в Казахстане на -ты (Оленты, Яманты, Аршаты, Тарбагатай и др.) нужно считать монгольскими по происхождению (луговое, козлиное, где много минеральных источников – аршанов, изобилующее сурками-тарбаганами).

Ашхабад, туркменский оригинал – Ашгабат – «любимое, приятное место». В прошлом это был аул-центр Ахалтекинского оазиса, а позже – центр Закаспийской области. Другого значения этого названия нам не

приходилось встречать; в основных трудах по истории и географии Туркестана оно осталось без отсутствия уверенности у большинства авторов в правильности приведённого толкования.

Между тем первый элемент этого названия имеет частые повторения в топонимии Среднего Востока: Астрабад, Ашназ в Иране, Аш-Кара, Астара в Талыше, Аштарак в Армении, Ашкала на запад от Тбилиси и в других местах. Весьма затруднительно определённо объяснить основу этих близких или родственных названий. Армянский лингвист Гр. Капанцян сопоставляет название Аштарак (арм. «башня», груз. Агарак) с семитским *аштар*, богиней Иштар, Астарт, в честь которой воздвигнут каменный обелиск. У греков каменные кучи, тумбы в виде памятника назывались *герм*, по имени бога Гермеса.

Термин «абад» самостоятельно не употребляется, в частности встречается только в географических названиях, сопровождая основной топоним. Абад, или в таджикском *обод* – «обводнённый, благоустроенный», также «возделанный, обработанный, заселённый, модный, построенный». Это слово нередко можно видеть как в старых, так, особенно, и в новых географических названиях: Ленинабад, Захматабад, Ноабад. Но отметим, что В.В. Бартольд переводит название Шахабад – «постройка шаха». Первым, кто предложил этимологию топонима, был А. Вамбери, который писал: «Aschkabad, а не Askabad город в Закаспии. Буквально – «место любви», от арабского *aschk* – «любовь» и персидского *abad* – «место, остановка, местопребывание». Ашхабад основан в 1891 г. До 1919 г. В названии господствовала транскрипция в форме Асхабад, затем, до 1927 г. – Полторацк. Обзор других этимологий можно посмотреть у С. Атаниязова.

Душанбе. До 1925 г. – кишлак Дюшамбе. В 1925 г. образован город, сохранивший до 1929 г. название кишлака. С 1929 до 1961 г. – Сталинабад, позже восстановлено старое имя, но в новом написании. Топоним с интересной этимологией. В ряде районов Средней и Центральной Азии (Таримский бассейн) отдельные селения именовались по тем дням недели, на

которые приходились базары – события первостатейной важности. В кишлаке Дюшамбе базарным днём был понедельник, т.е. «второй (ду) день недели». В данном ряду топонимов, например, Сешанбе – «третий день недели».

Нукус, каракалпакский оригинал – Нокус, расположен в дельте Амударья, центр Каракалпакской автономной республики. Б.В. Андрианов считает, что в основе названия лежит этноним, имя племени, подобно другим топонимам дельты: Чимбой, Кунград, Кипчак, Ходжейли, Мангыт, Ктай. На карте расселения узбекских и каракалпакских племён XVIII–XIX вв. племя Нукус не фигурирует. К. Абдимуратов предложил другое объяснение из иранских языков: *ну* – «девять», *кэс* – «человек» (ср. арбакеш – «человек арбы, возчик», пахтакеш – «хлопкороб» и т.д.). Э.М. Мурзаев видит в слове *кус*, *кеш* – слово, обычное в топонимике населённых мест средней Азии и Ирана в значении «жилище, дом, поселение». Таким образом, Нукус, Нукеш, кажется, логичнее и правильнее объяснить – «девять домов, девять жилищ». Такая модель географических названий с участием числительных обычна в топонимике многих стран, в том числе и в Средней Азии, и иллюстрируется многочисленными примерами: Семипалатинск в Казахстане, Пятихатка на Украине, естественноисторическая область Джетысу в Казахстане и Киргизистане, Пенджекент и Пяндж в Таджикистане, Пенде в Туркмении, Учкурган в Узбекистане и мн. др.

Ташкент, узбекский оригинал – Тошканд. Обычно переводят: Таш+Кент – «каменный город». Но такой перевод, как считают некоторые учёные, есть позднейшее осмысление более раннего и фонетически близкого названия. Вся область, орошаемая р. Чирчик, именовалась областью Чеч, или Шаш, и это звучало: Шашкент – «город области Шаш». Действительно, в арабских источниках – Шаш, в иранских – Чач. У китайцев – Чечи. Слово *кент* или *кед* означало дом, усадьбу, группу домов одного хозяина. В Хорезме *кат* – «пространство на равнине, окружённое валом, стенами»; на Ягнобе *кат* – «дом». «Географы X в. при описании Туркестана приводят большое число сложных названий с *кет* и *кед*, причём эти названия, ещё не

встречающиеся в районе Мургаба, появляются в районе Зарафшана и в значительно большем числе в бассейне Сырдарьи, особенно в районе Ангрена и Чирчика. Географ Истархи даёт Илак, т.е. культурной полосе Ангрена, 14 названий городов и селений, из них 7 сложных с -кет; для области Чач, т.е. культурной полосы Чирчика, – 27 названий, из них 14 сложных с -кет. Из этих названий видно, что один и тот же термин применялся к городу и селению: в Коране «селением» (карья) назван и такой большой город, как Мекка. Употребление слова *кент* в смысле «селение» сохраняется до сих пор в Хорезме и в Кашгарии» [2]. У арабских географов Ташкент был известен под именем Бинкента.

Е.Д. Поливанов не согласен с этимологией Ташкент – Шашкент, ибо переход *ш* в *т* вряд ли возможен. По его мнению, гораздо правильнее считать, что первая часть названия имела основу *таж* или *тажи* – современное *таджик*. Этот этнический термин претерпел большую эволюцию. В.В. Бартольд пишет, что в эпоху арабского владычества местное население Средней Азии так называло арабов-завоевателей (ср.: арм. Тачик – «араб», кит. Да-ши), а позже – вообще мусульман, поскольку первоначально понятия «арабы» и «мусульмане» в языке не различались и были синонимами. Затем термин «таджик» был перенесён на мусульман, говорящих на иранских языках. Поэтому Е.Д. Поливанов приходит к такой гипотезе: Ташкент – город арабов-завоевателей, город мусульман, город таджиков. Всего несколько столетий назад господствующим языком в Ташкенте был таджикский. Такое название могло присвоить местное население в VII–VIII вв. [2].

Казалось бы, ясная этимология – Ташкент – «каменный город» – подвергалась большой ревизии, что и осложнило вопрос. Узбеки название своей столицы объясняют: «каменный город», «город, построенный из камня», а не город таджиков и не город Шаша. При этом ссылаются на показания первого тюркского филолога Махмуда Кашгарского, который упоминает и другие названия: Тарканд, Озкент, Тонкент. Так же объяснял

этимологию Ташкента и исследователь Хасанов. Вслед за Махмудом Кашгарским то же самое утверждает и великий учёный-энциклопедист Абу Райхон Беруни, писавший, что названия изменяются быстро, а когда какой-либо местностью овладевают иноплеменники с чужим языком, их органы речи часто коверкают названия, и в таком виде они переносят их в свой язык, как это в обычае греков, которые берут первоначальное значение, но названия претерпевают изменения. «Разве ты не видишь, что Шаш взято из названия этого города на тюркском языке, а именно Ташканд, то есть «каменное селение», и точно так же в книге «Джография» он называется «Каменной башней»» [8]. Эти мысли были высказаны ещё в IX в., но и сегодня они звучат свежо и могут считаться основополагающими для современной топонимии.

Бишкек. Город был основан в 1878 г. на месте военного укрепления. Происхождение топонима Пишпек до последнего времени оставалось загадкой. С 1926 г. город был назван Фрунзе. Е. Койчубаев [5] предложил следующие объяснения: пиш (беш) – «пять» и пек (биик, беек) – «высота». Подтверждение своей мысли он видит во многих параллельных оронимах: Бештау на Кавказе (откуда Пятигорск); Бешташ – «пять камней» в бассейне Таласа в Киргизстане; на берегу Аральского моря есть барханы Биктау, их переводят как «высокая гора»; а в бассейне Аламедина, что орошает г. Фрунзе, высятся горы Бештоо – «пять гор».

Список литературы

1. Атаниязов С. Топонимический словарь Туркменистана. Ашхабад: 1970. 308 с.
2. Бартольд В.В. Сочинения. Т.3. // Отв. редактор А.М. Беленицкий. М.: Издательство «Наука»; главная редакция восточной литературы, 1965.
3. Конкашпаев Г.К. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата: зд-во АН КазССР, 1963. 185 с.
4. Капанцян Гр.А. Историко-лингвистические работы. К начальной истории армян. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1975.

5. Койчубаев Е. Историко-этимологический анализ имени Пишkek. Алма-Ата, 1963.
6. Мурзаев Э.М. О происхождении названия Нукус // Вестник Каракалп. филиала АН УзССР. 1967. № 2. С. 103–104.
7. Поливанов Е.Д. О происхождении названий Ташкента. Ташкент, 1927.
8. Хасанов Х.Х. Ценный источник по топонимике Средней и Центральной Азии // Топонимика Востока (труды совещания по топонимике Востока). М.: Восточная Литература, 1962.

УДК 81

Ю.В. Щурина
Забайкальский государственный университет,
заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания,
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: shchurina@inbox.ru

**Комические речевые жанры в межкультурной коммуникации:
коммуникативно-нормативный аспект**

Аннотация: В статье рассматриваются коммуникативно-нормативные особенности реализации комических речевых жанров в межкультурной коммуникации. Обсуждаются возможности включения прецедентных текстовых элементов в состав комических речевых жанров и предполагаемые коммуникативные эффекты: актуализация «фоновых» знаний адресата, включение элементов игры, проявление языковой личности коммуниканта и пр. Развивается идея, что выявление ситуаций коммуникативного риска для комических высказываний позволяет сформулировать ряд основных требований, выполнение которых может способствовать успешной реализации таких жанров.

Ключевые слова: речевой жанр, коммуникативная норма, межкультурная коммуникация, комический эффект, жанры комического, прецедентный текст, апперцепционная база.

Yu. V. Shchurina
TRANS-Baikal state University,
head of the Department of Russian language and its teaching methods,
candidate of Philology, associate Professor
E-mail: shchurina@inbox.ru

**Comic speech genres in intercultural communication:
communicative and normative aspect**

Summary: The article deals with communicative and normative features of comic speech genres in intercultural communication. The possibility of including precedent text elements in the comic speech genre structure and the expected communicative effects are discussed: the actualization of the recipient's background knowledge, the inclusion of game elements, the manifestation of the communicant's language identity, etc. The author develops the idea that the detection of communicative risk situations for comic statements allows us to formulate a number of basic requirements, the fulfilling of which might lead to the successful implementation of such genres.

Key words: speech genre, communicative norm, intercultural communication, comic effect, comic speech genres, precedent text, apperception basis.

Одним из ведущих современных подходов к изучению речи является «жанроцентрический» подход, основанный на выделении речевого жанра (далее – РЖ) в качестве базовой единицы речи и восходящий к концепции М.М. Бахтина, которая охватывает «типовые модели построения речевого целого» [1, с. 257]. Актуальность изучения РЖ обусловлена рядом причин, среди которых важнейшей представляется функциональная направленность современной лингвистической парадигмы в целом.

Понятие РЖ у М.М. Бахтина описывает базовую единицу общения, последовательность которых образует определенную динамическую совокупность [16]. Изучение речевых жанров идет в двух основных направлениях: исчисление моделей разных РЖ и исследование их воплощения в различных речевых ситуациях [19]. Описание высказываний и текстов различной жанровой принадлежности в свою очередь дает возможность исследовать речевые жанры в аспекте коммуникативной нормы.

Прежде всего, необходимо отметить, что само понятие коммуникативной нормы требует уточнения. В самом общем виде его можно представить как совокупность принятых в обществе правил речевого общения, определяющих типы речевого поведения коммуникантов в разных ситуациях [8]. Следование коммуникативным нормам обеспечивает эффективность общения, сводя к минимуму риск коммуникативных неудач.

Можно говорить, что коммуникативная норма регулирует речевое общение. Однако очевидно, что, в отличие от языковых норм, коммуникативная норма не может быть единой и общеобязательной для всех носителей данного языка в силу существования в обществе разных типов речевой культуры [4; 5]. Опираясь на разработанную концепцию типов речевой культуры, Е.П. Захарова выделяет следующие типы коммуникативных норм: диалектная (народная), просторечная, арготическая, среднелитературная, элитарная [8]. При этом остаётся нерешённым вопрос о том, является ли коммуникативная норма лишь первичной, узуальной, формирующейся в рамках различных типов речевых культур, или она может подвергаться кодификации и, соответственно, быть зафиксированной в справочниках, пособиях, что, в свою очередь, предполагает возможность и необходимость сознательного овладения коммуникативными нормами в процессе освоения речевой культуры.

Возможности кодифицирования коммуникативных норм определяются как сферой общения, в которой они формируются и функционируют, так и характером жанрообразующих параметров РЖ (в ряду которых базовым является коммуникативная цель). Безусловно, кодификации успешнее подвергаются нормы, регулирующие сферы прогнозируемого, моделируемого речевого общения, – т.е. такие, в которых речевые цели подчинены интересам внеречевой деятельности. Речевое общение в них регламентировано строго определёнными социальными ролями коммуникантов. В таких сферах коммуникации, как деловая и научная, речевая деятельность органически входит в деятельность более широкого порядка, главным образом, в познавательную и производственно-материальную, и речевые действия неизбежно оказываются связанными с целями неречевой деятельности.

Соответственно, возможности реализации речевых жанров, вырабатывающихся в этих сферах, прежде всего обусловлены интересами неречевой деятельности (например, интересами «дела» в деловой сфере) – в результате неизбежна регламентация речевого общения, предписывающая, в

том числе, и выбор речевого жанра в той или иной ситуации (примером максимально жесткой канонизации речевых действий может служить ограниченный и строго предписанный репертуар речевых жанров в сфере делового общения военнослужащих: такие речевые жанры, как приказ, рапорт, донесение, обслуживают характерные (типичные) ситуации общения, заранее заданные и исчисленные). Кодификация профессионального речевого общения нашла своё отражение в существующих пособиях и руководствах по деловому общению [10; 15].

С другой стороны, можно выделить определённый тип речевых жанров, несомненно подвергшихся кодификации, – соблюдение правил их употребления является общеобязательным, а его отсутствие сигнализирует о неблагоприятном протекании процесса коммуникации. Речь идет об этикетных речевых жанрах (приветствие, прощание, извинение, благодарность и под.). Можно, впрочем, отметить, что и в использовании этих РЖ происходит определённое расшатывание коммуникативной нормы: так, теле- и радиоведущие (особенно молодёжных программ) считают более подходящим употреблять не нейтральные этикетные формулы прощания или приветствия (*здравствуйте, до свидания*), а формулы типа: *пока-пока, всем привет, приветик, чао* и др. Отметим также появление связанных с особенностями интернет-коммуникации (возможное расхождение во времени сферы автора и адресата) формул типа *доброго времени суток, доброе время* и т.п.

Если этикетные жанры довольно хорошо изучены в аспекте коммуникативной нормы [17], то другие исследованы в гораздо меньшей степени, причем РЖ официального общения поддаются осмыслению и описанию в нормативном плане гораздо легче, нежели, к примеру, фатические жанры непринуждённого общения (светская беседа, флирт, комплимент и др.). Тем не менее, существует мнение, что всякий РЖ (в том числе и фатический) может быть до определённой степени нормирован и, соответственно, должен стать предметом обучения [8]. Для этого Е.П.

Захаровой предлагается перечень основных компонентов структуры коммуникативной нормы, среди которых наиболее важными представляются следующие: уместность/неуместность речевого жанра в данной ситуации общения, коммуникативная цель, ориентация на адресата, языковое оформление, характер использования коммуникативных импликатур, тональность общения.

Попытаемся сформулировать ряд основных коммуникативных правил, регулирующих использование речевых жанров, в наименьшей степени способных подвергаться кодификации, – комических РЖ: шутки, иронической реплики, велеризма, анекдота, прикола и под. Сложность проблемы обусловлена нестандартным характером этих жанров и, прежде всего, нестандартными коммуникативными целями, которые преследует говорящий при реализации таких РЖ. Установка на комический эффект реализует не утилитарные, а скорее творческие коммуникативные намерения (причём и фатический, и эстетический компоненты присутствуют в сложной иллокутивной структуре таких РЖ).

К числу подобных жанров в первую очередь следует отнести речевые жанры, предполагающие достижение комического эффекта в качестве базовой (жанрообразующей) коммуникативной цели. Распознавание этих жанров само по себе является достаточно сложным процессом, в котором достижение результата предполагает учет множества факторов, включая прагматические. Несмотря на то, что юмор является необходимым компонентом общения, коммуникативные сбои, возникающие в результате несовпадения картин мира коммуникантов, достаточно частотны.

Неоднородность иллокутивной структуры комических РЖ обуславливает затрудненность процесса их восприятия, поскольку всякое ответное речевое действие включает в себя, по меньшей мере, три стадии, когда речь идет о таких специфических жанрах: распознавание, оценка, действие. Кроме того, существует проблема возможности идентификации жанра. Наличие такой проблемы у адресата отражается в репликах типа: «он

шуток не понимает», «это была просто шутка» и т.п.

Сложность процесса распознавания и интерпретации порождает возможность возникновения неадекватных реакций. Например:

Маня должен был уезжать в другой, далёкий город. Они прощались на плаце, во время строевых занятий.

- Когда станешь подводником, жри меньше, а то не удифференцируешь лодку, – сказал Пашка. Он всегда шутил грубо, когда боялся показать свои настоящие чувства.

- Хорошо, обязательно, – пообещал Маня.

ОН ТАК И НЕ НАУЧИЛСЯ ПОНИМАТЬ ШУТКИ.

(В. Конецкий. Если позовет товарищ...).

Понимание адресатом жанровой сущности шутки также не всегда обеспечивает получение интенционального коммуникативного эффекта:

- Кирибеев действительно ведёт себя безобразно, – поддержал её Максим Эдуардович.

- Заставьте его считаться с вами, – посоветовала Кира Ивановна.

- Как заставить?

- Розги нужно вернуть, розги! – ПРИМИРИТЕЛЬНО ПОШУТИЛ КОТИК, НО ВЫЗВАЛ СОВЕРШЕННО ПРОТИВОПОЛОЖНУЮ РЕАКЦИЮ.

- Хватит вам подъялдыкивать-то! У вас-то он не хулиганит! – закричала Евдокия Матвеевна.

(Ю. Поляков. Работа над ошибками).

Включение в состав комических РЖ прецедентных элементов (имя, ситуация, устойчивое выражение и др.) еще в большей степени усложняет задачу идентификации комического РЖ адресатом и приводит к увеличению возможного числа коммуникативных неудач. В целях объяснения и предупреждения коммуникативных сбоев необходимым представляется выявление лингвокультурных ценностей, лежащих в основе коммуникативных неудач при интерпретации комических РЖ, содержащих прецедентные элементы.

Введение прецедентных элементов в структуру комического высказывания может преследовать разные цели: создание подтекста, актуализацию «фоновых» знаний адресата, усиление экспрессивности, включение элементов игры, повышение оценочности, проявление языковой личности говорящего и пр. Дополнительные возможности используются с разной степенью частотности, однако можно выделить жанры, для которых включение прецедентных текстов в состав высказывания является весьма вероятным или даже обязательным. К их числу можно отнести вторичные комические РЖ малого объема – велеризм и короткий анекдот (см. деление всех речевых жанров на первичные и вторичные в концепции М.М. Бахтина [1]).

Вообще явление прецедентности рассматривается как одно из важнейших средств межкультурной коммуникации [11, с. 166]. Прецедентный текст [9], или интертекст [3], в компактном виде способен передать информацию о тексте-источнике либо о целом культурном / историческом событии, следовательно, обладает особым типом коннотации, которую можно назвать культурной коннотацией. Наличие культурных коннотаций обеспечивает возможность идентификации прецедентного текста адресатом. Идентификация прецедентного феномена – процесс, предполагающий прохождение нескольких этапов: восприятие языкового выражения, выявление включенности в принимающий текст / высказывание и определение необходимых культурных коннотаций [3]. Тем самым для адекватного восприятия и «опознания» комических РЖ необходимым оказывается восстановление культурных коннотаций и определённых ассоциативных связей.

Прецедентные высказывания, присутствующие в структуре комических РЖ, – к примеру, многих современных анекдотов, отражают специфику культурной ситуации последних лет: в основном это фрагменты рекламных текстов, песен, фразы из кино- и телефильмов, сериалов, а также разного рода устойчивые высказывания:

- *Капля никотина убивает лошадь, а кружка кофе – клавиатуру;*

- *Объявление:*

Отдадим котят в хорошие руки, а то у нас плохие;

- *В связях, порочащих его, был, но не замечен;*

- *Куда вас, сударь, к чёрту занесло – неужто вам Бахтин не по карману?*

- *Давай вечером с тобой встретимся – будем Гашека читать.*

Некоторая часть прецедентного материала (не столь значительная по объёму) заимствуется из художественных произведений:

- *Не так больно за бесцельно прожитые годы, как за отсутствие средств на оставшиеся;*

- *Быть можно дельным человеком и ночью синтаксис учить;*

- *Винни-Пух утром чистит зубы напильником.*

- *Ты знаешь, Пятачок, наверное, это были неправильные пчёлы... И они, наверное, делают неправильный мёд... И вообще, кажется, это была эпоксидка...*

Источником комического эффекта в приведённых примерах служит несоответствие между привычным, известным носителю данного языка содержанием прецедентного высказывания и общим смыслом шутки / анекдота, который возникает в контексте.

Интересно отметить, что анекдот, в свою очередь, может выступать в качестве текста-источника прецедентных элементов. Ключевые фразы анекдотов входят в языковое сознание носителей языка на уровне клишированных выражений, составляющих то, что получило название речевой субкультуры [14]. Подобные прецедентные высказывания несут в себе память о породившем их контексте – анекдоте-источнике. Поэтому, приведённые в сходной ситуации, они вызывают в сознании коммуникантов знакомый им текст и, соответственно, комический эффект, который когда-то сопровождал его восприятие.

- *Добровольно и с песнями* – из анекдота о советской демократии,

которая предстаёт в виде кошки, которой намазали под хвостом горчицей. Фраза произносится в ситуации вынужденных действий.

- *Евреи, не жалейте заварки* – из анекдота про умирающего еврея, который владел секретом заварки крепкого чая. Используется в ситуации заваривания чая [14].

Возможность успешной реализации подобных комических РЖ (понимание и комический эффект) связана с определением культурных коннотаций, которыми обладают включённые в структуру данных РЖ прецедентные тексты. Для адекватной интерпретации комических РЖ, имеющих в составе прецедентные элементы, необходимо совпадение составляющих культурного багажа коммуникантов, общность соответствующих пресуппозиций. Несовпадение элементов апперцепционной базы автора и адресата (незнание адресатом соответствующих рекламных или песенных текстов, паремий, фразеологизмов; отсутствие необходимого, хотя бы предварительного, знакомства с литературными произведениями, кинофильмами и т.п.) может привести к коммуникативному сбою, возникновению незапланированного перлокутивного эффекта. Для юмористических РЖ отсутствие ожидаемого комического эффекта равносильно коммуникативной неудаче.

Выявление ситуаций коммуникативного риска для комических РЖ позволяет сформулировать ряд основных правил (требований), выполнение которых может послужить успешному осуществлению таких РЖ. Отметим, что эти правила регулируют употребление комических РЖ, прежде всего, в сфере бытового общения, регламентируя как иллокутивные цели, так и содержание пропозиции. Следует подчеркнуть, что эти правила до известной степени специфичны, поскольку направлены именно на сознательное и намеренное использование шуточных РЖ, (хотя некоторые из них актуальны и для других РЖ). Комические жанры имеют особые отношения с кодексом стандартных коммуникативных правил, действуя в соответствии с коммуникативными импликатурами, вытекающими из целенаправленного

нарушения постулатов (некоторые варианты описания стандартных прагматических правил речевого поведения см.: [18; 7; 12; 6]).

В целях получения адекватной реакции весьма желательно для говорящего выполнять следующие требования:

1. Требование уместности комических РЖ – шутка должна соответствовать ситуации, в которой протекает общение; её появление в неподходящих экстралингвистических контекстах отмечается характеристиками типа: «неуместные шутки», «неподходящие шутки», «твоя шутка некстати», «сейчас не время шутить», «здесь не место для шуток». Можно выделить два типа ситуаций, табуирующих появление комических РЖ: 1) ситуации, в силу своего характера актуальные для всех коммуникантов (смерть, похороны, тяжёлая болезнь); 2) ситуации, включающие особые обстоятельства, актуальные для одного из участников коммуникации (для другого эти обстоятельства могут казаться не настолько существенными, чтобы влиять на выбор РЖ).

Негативная реакция на неуместную шутку может проявляться в демонстративном отсутствии ответного действия: «Но его не очень уместную сейчас шутку никто не поддержал» (А. Марченко) или в каких-то иных отрицательных репликах:

(Татьяна отравилась нашатырным спиртом).

Елена. И отчего? Что случилось? Бедная Таня... как, должно быть, больно ей... (Морщится и вздрагивает). Ведь это больно? Очень? Страшно?

Тетерев. Не знаю. Я никогда не пил нашатырного спирта...

Елена. КАК ВЫ МОЖЕТЕ ШУТИТЬ?

(М. Горький. Мещане).

2. Требование этической приемлемости (выбора подходящего объекта для смеха) – существуют общепринятые представления о том, над чем нельзя шутить, поэтому невыполнение требования влечёт за собой возникновение негативных оценок типа: «этим не шутят», «не надо так шутить», «над этим нельзя смеяться». Например:

ЕСТЬ ВЕЩИ, С КОТОРЫМИ И НАД КОТОРЫМИ ШУТИТЬ НЕЛЬЗЯ, ИБО ЭТО БЕЗНАВСТВЕННО В ЭТИЧЕСКОМ ПЛАНЕ И БЕЗОТВЕТСТВЕННО В ПЛАНЕ ПОЛИТИЧЕСКОМ. АФГАНИСТАН ИЗ ИХ ЧИСЛА.

(М. Стурюа. «Известия», 1988. 11 июня).

3. Требование эстетической приемлемости – любой комический РЖ (особенно это актуально для вторичных РЖ типа анекдота) должен соответствовать определённым эстетическим запросам участников общения (адресата и аудитории) – в противном случае шутка может быть оценена как «грубая», «плоская», «примитивная», «вульгарная», а анекдот – как «не смешной», «дурацкий», «скабрёзный», «пошлый» и т.д.

4. Требование оригинальности содержания (новизны, нетривиальности) – несоблюдение этого правила вызывает появление следующих реакций: «банальная шутка», «устаревшая», «заезженная», «затасканная», «анекдот с бородой».

5. Требование тактичного отношения к собеседнику (соблюдения границ его личной сферы). Это правило, однако, часто не соблюдается в тех случаях, когда шутка имеет объектом самого адресата, чьи интересы расходятся с интересами присутствующей при коммуникации аудитории. Нарушение правила приводит к оценкам типа: «жестокая шутка», «обидная», «язвительная», «дерзкая», «наглая», «оскорбительная».

Для некоторых ситуаций последнее правило можно считать факультативным – его соблюдение, вне сомнений, зависит от намерений и мотивов говорящего, а также от того, насколько оправданы в данной ситуации подобные, неприемлемые в нейтральном общении, мотивы.

Таким образом, кодекс стандартных прагматических правил речевого поведения не может быть применён при использовании комических РЖ; однако представляется возможным сформулировать ряд требований, предъявляемых специально к таким жанрам, и выполнение этих правил весьма желательно в целях сохранения оптимальной направленности

коммуникации. Особую важность соблюдение этих правил приобретает в условиях межкультурной коммуникации.

Говоря о коммуникативных правилах употребления комических РЖ, необходимо ещё раз подчеркнуть, что сфера и тип общения определяют содержание и степень коммуникативной регламентированности. Сфере бытового общения (в отличие от официального) свойственны нестандартные «экстремальные» речевые жанры, где прагматическая разрешённость носит особый характер – т.е. говорящий не находится под тяжестью прагматических ограничений, свойственных нейтральному общению [13]. Шутка, будучи одним из нестандартных, имеющих особый эмоциональный тонус речевых жанров, может снимать ряд определённых ограничений – например, употребление слов с отрицательным значением («дурында», «балбес») возможно при наличии шутливого оттенка; нарушение стандартного коммуникативного требования точности допустимо при употреблении иронических высказываний со смещением в сторону генерализации – «Младшее поколение овладевает знаниями» (когда ребёнок выполняет домашние задания). Еще М.М. Бахтин писал: «Новый тип общения всегда порождает и новые формы речевой жизни: новые речевые жанры, переосмысление ... старых форм <...> когда двое вступают в близкие приятельские отношения, дистанция между ними уменьшается, и потому формы речевого общения резко меняются: ...появляются бранные выражения, употребляемые в ласковом смысле, становится возможным взаимное осмеяние...» [2, с. 22].

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237–289.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.

3. Глазков А.В. Культурфилологический анализ постмодернистского текста на спецсеминаре для студентов филологического факультета // Язык, культура, общество. Лингвистическая подготовка учителя-словесника: проблемы новых лингвистических курсов. Тезисы Всероссийской научн.-практ. конф. М., 2000. С. 36–38.
4. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25. С. 9–19.
5. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия. М., 1998. С. 413–414.
6. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 276–302.
7. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–237.
8. Захарова Е.П. Коммуникативная норма и речевые жанры // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999. С. 76–80.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
10. Колтунова М.В. Деловое письмо. Что нужно знать составителю. М., 1998. 112 с.
11. Кузнецова Я.В. Явление прецедентности как инструмент межкультурной коммуникации // Язык образования и образование языка. Материалы межд. научн. конф. Великий Новгород, 2000. С. 166–167.
12. Ноуэлл-Смит П.Х. Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 155–183.
13. Почепцов Г.Г. Коммуникативная регламентированность в разных типах общения // Синтаксическая семантика и прагматика. Калинин, 1982. С. 42–51.
14. Седов К.Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. М.: Лабиринт-МП, 1998. 64 с.
15. Стернин И.А. Русский язык делового общения. Воронеж, 1995. 200 с.
16. Федосюк М.Ю. Семантика существительных речевой деятельности и теория жанров речи // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997. С. 60–74.
17. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1987. 158 с.
18. Шмелёва Т.В. Кодекс речевого поведения. // Русский язык за рубежом. 1983. № 1. С. 72–76.
19. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–98.

III. NEMO NASCICTUR DOCTUS

УДК 32

М.В. Манеров
Забайкальский государственный университет,
магистрант направления «Прикладная политология»,
исторический факультет
E-mail: dmdak@yandex.ru

Гражданская позиция молодежи в Забайкальском крае

Аннотация: В статье приводятся данные социологического исследования, направленного на изучение гражданской позиции молодежи Забайкальского края. Делается вывод о том, что несмотря на то что формирование гражданской позиции у молодежи Забайкалья вписывается в существующее в России политико-правовое поле, существенное влияние на ситуацию оказывает негативное социально-экономическое состояние территории. Доминирующее в крае пассивное население не способствует росту активных граждан, создавая определенный ментальный настрой.

Ключевые слова: молодежь, социализация, гражданская позиция, молодежная политика, депрессивный регион.

M.V. Manerov
TRANS-Baikal State University,
undergraduate the direction of "Applied political science",
the history Department
E-mail: dmdak@yandex.ru

Civil position of youth in the TRANS-Baikal territory

The summary: The article presents the data of sociological research aimed at the study of the civic position of the youth of the TRANS-Baikal territory. It is concluded that despite the fact that the formation of the civic position of the youth of the TRANS-Baikal region fits into the existing political and legal field in Russia, a significant impact on the situation has a negative socio-economic condition of the territory. The passive population dominating in the region does not contribute to the growth of active citizens, creating a certain mental attitude.

Keywords: youth, socialization, citizenship, youth policy, depressed region.

Особенностью жизнедеятельности в периферийных регионах является ее зависимость от решений, принимаемых в центре и способности местных

органов власти к адекватной их реализации. Еще одним аспектом является то, что в регионах-донорах активность органов власти выше, чем в регионах-реципиентах, отстающих по определению в социально-экономическом развитии. Еще хуже дело обстоит в депрессивных регионах. Реализация любых проектов здесь будет осложнена доминированием социальной и экономической пассивности населения и иждивенческими настроениями. При этом речь здесь идет не только об общей характеристике населения, но и о той его части, которая включена в систему управления и власти.

Рассчитывать в таких условиях можно на молодежь, за которой признается более активной и перспективной частью населения. Только ей оказывается под силу преодолеть инерционное движение. Вместе с тем, следует помнить, что молодежь не является саморазвивающейся системой и многое зависит от тех условий в которых она находится.

На сегодняшний день на региональном уровне действует обязательное к исполнению федеральное законодательство и региональное законодательство, призванное расширить нормативную базу с учетом местной специфики. На местном уровне создаются и условия для реализации различных, в том числе и молодежных, программ. Ценностью здесь является максимальная приближенность к социальной группе.

При грамотно выстроенной на региональном уровне молодежной политики напрямую будут зависеть и полученные результаты. Считается, что «особую роль в региональной молодежной политике играют разграничительная и интегративная функции. Первая (разграничительная) связана с проведением в жизнь общества и государства интересов молодежи как особой социально-демографической группы, с одной стороны, и с другой стороны, с разграничением полномочий и интересов субъектов этой политики, которые предпринимают конкретные меры по ее осуществлению. Вторая предполагает слияние различных социальных групп молодежи и их интересов с целью обеспечения устойчивости, равновесия и целостности общества, предотвращение и регулирование процессов социальной

дифференциации в их среде, а также взаимодействие и скоординированность деятельности всех субъектов региональной молодежной политики» [5].

Естественно, речь должна идти и о формировании активной гражданской позиции самой молодежи. Этот процесс невозможно рассматривать как линейный, связанный с простым переходом от этапа, скажем, обучения в школе к обучению в вузе или сузе, дальнейшей трудовой деятельности. Здесь есть свои коллизии и издержки, возможная утрата чувств здоровых амбиций или ожиданий успеха. В этом случае ситуация может приобрести обратный характер и молодежь, в лучшем случае, пополнит ряды пассивных граждан из старших возрастных когорт. Отток активной молодежи также является проблемой для депрессивных регионов. Здесь велика доля тех, кто не знает, смогут ли они добиться того же или большего успеха, чем их родители. На это указывает, в частности, проведенный нами в октябре 2017 и в феврале 2018 гг. опрос молодых людей, обучающихся в Забайкальском государственном университете (Приложение А).

Всего в опросе приняло участие 68 студентов в возрасте от 17 лет и до 21 года. Опрос проводился методом случайной выборки. На вопрос «Уверены ли Вы в том, что добьетесь большего успеха, чем ваши родители?», ответили утвердительно 45,5%. Считают, что добьются того же результата – 11,7%. Полагают, что смогут добиться, но меньшего результата – 4,4%. Затруднились с ответом – 38%. Высокий уровень неопределенности говорит в пользу пассивной позиции молодых людей.

Не меньшую тревогу вызывает желание молодежи после получения высшего образования покинуть Забайкальский край. Остаться в крае планируют – 39,7%. Будут стремиться покинуть Забайкалье – 30,8% и при случае уедут на новое место 16,1%. Не высказались – 13,2% респондента.

Характерно, что согласно данным официальной статистики в 2017 году Забайкалье покинули 7 294 человека. По сравнению с 2016 годом отток населения увеличился на 21% [4]. То есть полученные данные опроса коррелируются с общей тенденцией и мы имеем дело со сходными

поведенческими позициями. В качестве фактора оттока молодежи выступает и ЕГЭ, ориентирующий молодежь искать более перспективные места для своей дальнейшей жизнедеятельности.

Ситуацию в крае можно рассмотреть и с точки зрения ожидания перспектив. С уверенностью смотрят сегодня в будущее лишь 30,8%. О неопределенности говорят – 36,7%. Испытывают тревогу – 17,6%. Затруднение с ответом вызвало у 14,7% опрошенных. Неопределенность в ожиданиях, как и затруднение с ответом указывает на слабый оптимизм молодых людей. В определенной мере, полагаем, это связано с неудовлетворенностью текущей жизнью. Ведь для молодежи, считается, свойственен оптимизм и безоблачные представления о будущем. Здесь необходимо обратить внимание на то, что Забайкальский край сегодня занимает 81-е из 85 мест по качеству жизни [2].

Играют свою негативную роль и осложненные условия жизненной среды.

При взгляде на оценку ситуации со стороны региональных институтов власти мы увидим, что акцент делается на поддержку и содействие молодежи. Согласно ст. 6 Закона Забайкальского края «О государственной молодежной политике в Забайкальском крае», принятом в 2016 году прописано:

«Основными направлениями реализации государственной молодежной политики в Забайкальском крае являются:

- 1) обеспечение и защита прав и свобод молодежи;
- 2) содействие занятости молодежи;
- 3) содействие в развитии молодежного предпринимательства;
- 4) поддержка молодых семей;
- 5) создание условий для формирования здорового образа жизни, патриотического и гражданского становления молодежи;
- 6) создание условий для сохранения и развития национальных традиций среди молодежи;
- 7) поддержка талантливой молодежи;

- 8) поддержка молодежных и детских общественных объединений;
- 9) содействие международным молодежным обменов» [3].

Тем самым здесь мы не находим установки на преодолении негативной ситуации, связанной с особенностями проживания в депрессивном регионе. Перечислены рамочные действия региональной власти, направленные на соблюдения соответствия местного законодательства федеральным законам. Возможно, что это является одной из причин низкого доверия молодежи региональным властям. Согласно данным нашего опроса (Приложение А) уровень доверия довольно сильно варьируется от самого высокого, оказанного Президенту Российской Федерации (53,7 % – да, 26,4% – скорее да), до низкого, высказанного в отношении региональной власти (5,8 % – да, 4,4% – скорее да) и губернатора (8,8% – да, 5,8% – скорее да). Здесь необходимо также указать на низкий уровень доверия Правительству РФ (14,7 % – да, 8,8% – скорее да), Государственной Думе (13,2 % – да, 4,4% – скорее да) и политическим партиям (10,2 % – да, 5,8% – скорее да).

Молодежь, как мы видим, дистанцируется от поддержки политических институтов. Поэтому, думается, сложно ожидать от нее массового встречного движения и активного выражения своей гражданской позиции. Молодые люди живут проблемами своей возрастной когорты. Об этом говорят итоги нашего вопроса, связанные с выяснением круга проблем, которые вызывают наибольшее беспокойство.

Среди наиболее злободневных проблем были названы:

- Деньги – 64,7%;
- Здоровье – 54,4%;
- Жилищная проблема – 48,5%;
- Проблема трудоустройства – 33,8%;
- Возможности получения нужного образования, в т.ч. дополнительного – 27,9%;
- Карьера, продвижение по службе – 25%;

- Досуг – 23,5%.

Среди менее злободневных проблем респонденты назвали:

- Личная безопасность – 16,1%;
- Любовь – 14,7%;
- Взаимоотношения с родителями – 11,7%;
- Коррупция – 10,2%;
- Проблема воспитания детей – 8,8%;
- Соблюдение прав человека – 8,8%;
- Соблюдение законности – 8,8%;
- Нравственность – 7,3%;
- Возможность выражения своей политической позиции – 7,3%;
- Взаимоотношения с друзьями – 5,8%;
- Проблемы религиозного характера – 2,9%.

Никого из опрошенных не беспокоит возможность участия в общественно важных мероприятиях. Ничего не беспокоит – 4,4%.

В плане уточнения гражданской позиции молодежи интерес представляет вопрос о том, считают ли они себя патриотами Забайкалья?

Характерно, что при ответе на аналогичный вопрос, заданный в 2015 году назвали себя патриотами края 67,8%, не определились – 9,5% и не считают себя патриотами 22,3% респондентов [7]. По нашему опросу: патриотами признали себя уже 50%, не патриотами – 26,4%, отказались от ответа – 23,5%.

И если вернуться к данным о том, кто желает остаться или покинуть Забайкальский край, то становится понятным, что установка на любовь к малой родине требует нечто большее, чем рассуждения в духе А. С. Пушкина или К. Г. Паустовского. Ведь общеизвестно, что любовь к стране едва ли возможна без любви к своему краю. Молодежь явно избегает выражения своей активности по отношению к общественно значимой практике. Она, скажем, не принимает участия в работе поисковых отрядов и волонтерского

движения – 77,9%. Участвуют же всего 4,4% и хотели бы принять участие 10,2% от числа опрошенных.

Возможно, что речь здесь должна идти о превалировании той части молодежи, которая готова к пассивному использованию имеющихся жизненных шансов. Их жизнедеятельность и потребности не выходят за рамки предзаданной традиции, которая обеспечивает наиболее простые формы повиновения. Вот только ждать от такой молодежи активного участия в инновационных процессах не стоит. Слабые желания не порождают свехцелей по достижению жизненных вершин, порождая лишь внешнее и внутреннее уподобление.

Молодежь в своей массе готова в меньшей мере говорить о собственной апатии (17,6%), полагая, что в ее слабой активности виноваты:

- Отсутствие общезначимых целей – 8,8%;
- Жизненные обстоятельства – 16,1%;
- Формализм власти в работе с молодежью – 14,7%.

42,6% респондентов не смогли высказаться по данному вопросу. При этом 48,5% опрошенных ничего не знают о существовании в крае молодежных организаций. Лишь 7,3% состоит в молодежных организациях, а 16,1% принимали в той или иной мере участие в их мероприятиях. Тем самым, можно говорить о слабой вовлеченности и информированности молодежи в происходящие события. Не стоит приравнивать активность молодежи, которую она проявляет в своей группе с активной жизненной позицией. Нарботка такой позиции необходимое условие успешной социализации. Здесь же требуется и наработка соответствующих компетенций.

Путь к наработке гражданских и политических компетенций пролегает через систему образования и общественные организации. В Забайкальском крае такую функцию выполняют, в частности, 21 молодежная организация и 690 общественных объединений различной направленности, 40 учреждений

профессионального образования [1]. Важную роль также выполняют и высшие учебные заведения, действующие в соответствии с общеобразовательным стандартом. Согласно государственной программе «Развитие образования Забайкальского края на 2014 – 2025 годы» миссией образования в крае объявлено:

«обеспечение права на качественное и доступное дошкольное, общее и профессиональное образование для всех обучающихся посредством создания в Забайкальском крае правовых, экономических и организационных условий;

обеспечение подготовки достаточного кадрового ресурса для всех сфер жизни общества в соответствии с динамикой социально-экономического развития Забайкальского края;

содействие повышению социальной активности и включенности молодежи в процессы социально-экономического развития Забайкальского края, закреплению молодых кадров в социальной сфере и производственной инфраструктуре края;

формирование точек роста в системе образования и науки Забайкальского края посредством поддержки лидеров образования, позиционирования лучших образовательных практик и научных достижений на региональном, всероссийском, международном уровнях.

Ведущей задачей перспективного развития системы образования Забайкальского края является достижение значимых социальных эффектов, функционирование региональной системы образования как механизма эффективного развития человеческого потенциала края и социально-экономической сферы региона» [6].

В рамках заявленной подпрограммы «Развитие молодежной политики и системы поддержки молодежных инициатив» целью признавалось: «Создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи Забайкальского края».

Предполагается решение (как нам представляется, стандартных) следующих задач:

«Вовлечение молодежи в общественную деятельность;
обеспечение эффективной социализации молодежи;
создание механизмов формирования целостной системы продвижения
инициативной и талантливой молодежи;
обеспечение эффективного взаимодействия с молодежными
общественными объединениями, некоммерческими организациями» [6].

В итоге должны быть получены следующие результаты:

«удельный вес численности молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, вовлеченных в реализуемые исполнительными органами государственной власти Забайкальского края проекты и программы в сфере поддержки талантливой молодежи, в общей численности молодежи в возрасте от 14 до 30 лет составит 24%;

удельный вес численности молодых людей от 14 до 30 лет, участвующих в мероприятиях по патриотическому воспитанию, в общей численности молодежи в возрасте от 14 до 30 лет составит 55%;

удельный вес численности молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, участвующих в деятельности молодежных общественных объединений, в общей численности молодежи в возрасте от 14 до 30 лет составит 23%;

количество мероприятий для молодежи составит 150 единиц ежегодно;

удельный вес численности молодых людей от 14 до 30 лет, участвующих в профильных сменах, в общей численности молодежи в возрасте от 14 до 30 лет составит 11,7%» [6].

Следует предположить, что поставленные цель и задачи могут быть решены, но они поставлены в зависимость от успешности социально-экономического развития Забайкальского края. От этого будет зависеть и финансирование подпрограммы, по крайней мере, в той ее части, которая связана с поддержкой молодежных инициатив. Потребуется власти поддержка и доверие со стороны самой молодежи, которая в настоящее время, как показал наш опрос, не превышает 10,2%. Непосредственная же численность активной части молодежи составляет приблизительно 12 – 13%

от общей численности молодых людей (по результатам опроса). При этом мы не рассматривали молодежь в возрасте от 14 до 17 лет, где опека со стороны старших возрастных когорт кратно выше. Следует также учитывать не только положительную активность молодежи, но и отрицательную, связанную с жизнедеятельностью маргинальных слоев общества.

Заметим также, что некие валовые показатели достижений власти едва ли соотносятся с взаимодействием власти и молодежи в современных условиях. Опыт времен Советского Союза имел как положительную сторону, так и отрицательные результаты и заорганизованность молодежи не создала механизмов органичного решения проблем. Патернализм уходит на задний план, а на первый план выступает формирование у молодых людей ответственности, гражданского долга, социальной, экономической и политической инициативы.

В качестве выводов по данному разделу укажем следующее:

1. Формирование гражданской позиции у молодежи Забайкалья вписывается в существующее в России политико-правовое поле, предполагающее различные уровни реализации молодежной политики.

2. Формирование гражданской позиции у молодежи Забайкалья связано с проблемами проживания в депрессивном регионе, где существует дефицит возможностей для самореализации и поддержки амбиций молодых людей.

3. Отток активной молодежи из Забайкальского края лишает территорию перспектив для инновационного развития.

4. Необходима подготовка и реализация специальной программы, направленной на поддержку идеи роста гражданской ответственности и патриотизма, в том числе и регионального. Это будет способствовать достижению органического единства местного населения и созданию условий для формирования преемственности поколений с учетом общих интересов.

Список литературы

1. Бейдина Т.Е., Синегузова Е.В. Реализация молодежной политики в Забайкальском крае // Киберленинка: / URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-molodezhnoy-politiki-v-zabaykalskom-krae> (дата обращения: 10.03.18).
2. Забайкалье ухудшило свои позиции среди регионов-аутсайдеров рейтинга по качеству жизни // Заб.ру / URL.: https://zab.ru/news/103244_zabajkale_uhudshilo_pozicii_sredi_regionov_autsajderov_rejtinga_po_kachestvu_zhizni (дата обращения: 06.03.18).
3. Закон Забайкальского края «О государственной молодежной политике в Забайкальском крае». 14.06. 2016. № 1354-ЗЗК // Сейчас.ру. Новости России и мира / URL.: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2263201> (дата обращения: 02.03.18).
4. Ильяш Н. Отток населения из Забайкалья в 2017 году вырос на 21% по сравнению с 3016-м // Чита.ру / URL.: <https://www.chita.ru/news/111316/> (дата обращения: 25.02.18).
5. Особенности региональной молодежной политики на примере Забайкальского края // Дипломы, курсовые, рефераты, контрольные / URL.: <http://westud.ru/work/263595/Osobennosti-regionalnoj-molodezhnoj-politiki> (дата обращения: 09.03.18).
6. Постановление Правительства Забайкальского края «Об утверждении государственной программы Забайкальского края «Развитие образования Забайкальского края на 2014 – 2025 годы» (с изменениями на 8 февраля 2018 года)». 24.04.2014. № 225 // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации / URL.: <http://docs.cntd.ru/document/430506193> (дата обращения: 14.03.18).
7. Тарасов А. Молодежь Забайкалья и ценности патриотизма: по данным социологического исследования // URL.: <https://a-p-tarasov.livejournal.com/5200.html> (дата обращения: 09.03.18).

IV. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАКАНУНЕ XX ВЕКА: УГАДЫВАНИЯ В.В. РОЗАНОВА

А.А. Ермичев

Опубликовано в журнале «Гуманитарный вектор» (Чита). 2002. № 1-2 (10-11).

Резюме: Подготовка к печати статьи В.В. Розанова осуществлена доктором философских наук, профессором СПбГУ А.А. Ермичёвым

Читателю предлагается статья В. В. Розанова «Умственные течения в России за 25 лет», опубликованная 21 марта (3 апреля) 1900 года в газете «Новое время». Сейчас, после исследований В.В. Зеньковского и Н.О. Лосского, С.Л. Франка и Б. В. Яковенко, мы знаем, что для русской философии этот период был очень важным – временем восстания, восстановления русской философии после материалистического паралича 60-х годов.

Однако было бы неправильно видеть в предлагаемой статье научный анализ развития русской мысли в последней четверти XIX века. Пробелы в розановском очерке очевидны: например, дана оценка взглядов В.С. Соловьёва на церковь, но Соловьёв как философ остался незамечен (или проигнорирован?). Не упоминается Л.М. Лопатин. О кантианстве, ставшем тогда важным фактором русского философского образования, говорится как-то вскользь, намёком на полемику А.И. Введенского и М.И. Каринского.

Разумеется, претензии подобного рода не нужно предъявлять к статье. Не того калибра её автор, чтобы указывать ему на ошибки.

«Я только смеюсь или плачу. Размышляю ли я в собственном смысле? – спрашивал В.В. Розанов и отвечал: «Никогда». Он всегда писал от себя, по своему ощущению, писал то, что он хотел написать, и, как известно, никогда не стеснялся своей – ну, скажем как-нибудь помягче, – своей противоречивости.

Кто-то может спросить, нужна ли подобная републикация? Сама жизнь уже ответила на такой вопрос – российский читатель сегодня более чем кого-либо из мыслителей «серебряного века» востребовал именно его – Василия Васильевича Розанова. Его издают и издают... Два неутомимых публикатора В.Г. Сукач и А.Н. Николукин, наверное, и сейчас готовят очередные тома розановских статей, писем или замечаний, начертанных «на сереньком конверте», «умыываясь утром» или «засыпая». Готовится «Розановская энциклопедия»... И всё это – водою в песок – уходит и уходит в русское сознание...

В чём причина такой популярности Розанова – автор этой заметки не берётся судить. Он просто констатирует факт, а ищущих причины адресует, например, к Н.А. Бердяеву. Знаменитый современник Розанова писал так: «...Отрадно иметь писателя столь до конца русского и поучительно видеть в нём обнаружение русской стихии...». Правда, продолжение этой оценки по своему тоже очень высоко: «Страшно становится за Россию, жутко становится за судьбы России...»

Итак, статья публикуется просто потому, что принадлежит она – В.В. Розанову, что она погребена в пыли библиотек и, что уже названные В.Г. Сукач и А.Н. Николукин никак не удосужатся издать для нас, историков русской философии, (а почему, собственно, только для нас? Для всех!) томик (том! или томище!) В.В. Розанова «О русской философии и русских философах».

Составитель такого тома будет, вероятно, руководствоваться розановским представлением о двух формах философии в России: собственно русской, выражающей «русскую душу», сосредоточенной на интересе к глубинным слоям и смыслам бытия, и другой – официальной, должностной, профессиональной, университетской, которая-де чужда всему русскому и носит подражательный – европейский – характер. О первой Розанов писал так: «...Если взглядеться в характеристические умственные и идейные странствия, осложняемые и биографическими данными до муки – до креста и могилы – то как не сказать, что русская душа «бьётся в двери философии», как бабочка, залетевшая в комнату, бьётся в стекло окна, пытаясь вылететь в сад. О «нефилософичности души русской» странно говорить, когда это может быть самая философическая душа в Европе. И не мои одни бледные указания доказывают это, а и дух русского языка, глубина этого языка, универсализм его, как равно и народное творчество пословиц, поговорок, духовных стихов и побасенок... Инстинкт этот странным образом весь передался в литературу – в беллетристику, в повествования, в стихотворения. Достаточно назвать три имени, Тютчева, Достоевского и Толстого, чтобы объяснить дело». (Германская наука и русские учёные кафедры // Колокол. 1916. 10 декабря. № 3163. С.2.).

К философии другого рода отношение Розанова вполне отрицательное. Ей нет «ни малейшего дела до русской души с её приливами и отливами, до русской тёмной тоски – ни до чего вообще русского... Русская философия (речь идёт именно о философии второго рода – А. Е.) не была связана с русской душою. Она писалась, правда, буквами русского алфавита, но писалась исключительно о книгах немецкого содержания, и была собственно «немецкою библиографией на русском языке». Что касается коллектива знаменитого журнала «Вопросы философии и психологии», – то, по мнению Розанова, «решительно все сотрудники его только и делали, что толкались у ног Вундта и других его соотечественников, снимали сапоги и надевали сапоги на немецкую философскую ногу» (Там же).

К сожалению, по недостатку места нет возможности оспорить мнение многих и многих нынешних весьма серьёзных исследователей, которые, как и В.В. Розанов, тоже отличают «истиннорусскую философию» от «философии в России». Удивлюсь только, если мне скажут, что представители «университетской философии» такие, например, как А. И. Введенский или М.И. Каринский были не русскими... Да ведь разве не сам Розанов пишет о том, как Бокль, Дарвин, Конт, Милль, Спенсер становились у нас «более русскими, нежели сами русские».

Потому обратимся непосредственно к тексту статьи, пытаюсь понять, как автор из 1900 года видит «умственное» развитие России за последнюю четверть XIX века, так значимую в истории русской философии. И вот мы видим, что в отношении новизны русского умственного развития В.В. Розанов так же определён, как и названные уже мною историографы *ex professo* – определён, но – по-своему. Он скорее ощущает новое по двум важным для него фактам.

Факт первый – творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, которое он оценивает как появление русской философии (курсив мой – А. Е.) и поясняет: оно, это творчество, есть «мистицизм знания божественного сложения мира и человека». Толстой и Достоевский обнаружили (показали очевидное; здесь доказательства не нужны!), что «есть совесть как мистическое сосредоточение вселенной; смерть и рождение – окна в «тот свет» из маленького домика, который зовётся телом и так непрочен, и где иногда так невыносимо скучает наша душа; возможна религия, возможно на земле гармоническое устройство человека: вот прочное и главное доказательное приобретение, каким обогатили нас два названные великие русские ума, русские сердца».

Факт другой – «философские успехи в тесном смысле этого слова», т.е. успехи развития так называемой профессиональной или университетской философии – С.Н. Трубецкой, Н.Н. Страхов, А.А. Козлов, П.Е. Астафьев, кто-то ещё... Если их труды и не прибавили что-либо ценное к истории умственного развития человечества – поясняет Розанов – то всё же выразили умственные усилия русского человека. «Русское общество в эту последнюю четверть века увидело в среде своей умы, поднявшие столь нужные вопросы и столь родные всем (Это, конечно, о Толстом и Достоевском! – А. Е.), что было бы чем-то очень школьным, почти школярным оставаться на почве вопросов германской философии». Время авторитетов Канта и Шопенгауэра и иных философов из Европы проходит.

Этим процессом, т.е. процессом ориентации университетской философии на «вечные универсальные проблемы, проблемы уже общечеловеческого интереса, над которыми задумались два наших мистика-художника», русским умам указывается оригинальный путь в XX веке. Будем надеяться на это, завершает свою статью В.В. Розанов.

И ведь он во многом угадал! Во многом и даже, скорее всего, в главном, но не во всём. Он угадал, что русская религиозная философия XX века,

мобилизуя эвристический потенциал европейской философии – неокантианства, интуитивизма, феноменологии (стало быть, речь идёт не о влиянии, а об использовании!), вышла на философское Богопознание, закрепив его в трудах Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, Н.О. Лосского, С.Л. Франка, разрешая вопросы «двух наших мистиков-художников».

Конечно, в действительности философская жизнь России начала XX века была богаче; она не исчерпывается только религиозной философией. В области университетской профессиональной философии (то бишь, не русской, а «немецкой» или «европейской»!) русские добились впечатляющих результатов (тектология А.А. Богданова, герменевтика Г.Г. Шпета, онтологические поиски Б.В. Яковенко).

Заметим, что два названных процесса – развития религиозной философии и философии научно ориентированной – совершались в одном интеллектуальном пространстве отказа от субъект-объектной парадигмы классической философии и перехода к новому её типу, свойственному XX веку. Теперь реальность понималась как продукт деятельности человека. Но такие выводы стали осознаваться позднее, по мере накопления опыта нового философствования.

Впрочем, повторим ещё раз – В.В. Розанов пишет «от себя» и только так; и этот автор интересен сам по себе.

УМСТВЕННЫЕ ТЕЧЕНИЯ В РОССИИ ЗА 25 ЛЕТ

В.В. Розанов

Двадцать пять лет – это срок одной зрелой человеческой жизни в её плодоносной второй половине. 35 лет – не раннее, а скорее запоздалое выступление человека со своим делом или со своим словом. Если к этим годам прибавить четверть века, то получится 60 лет, нормальная мера нормальной человеческой жизни. Оказывается однако, что нации живут как будто скорее, поспешнее или бурнее индивидуума. За 25 лет, если они не были временем однообразного стояния, нация оказывается испещрённой такими впечатлениями и сама она является пережившею такие коловращения мысли, каких вообще индивидуум не переживает. Россия в последнюю четверть девятнадцатого столетия, между «Разрушением эстетики» Писарева и двумя апофеозами Пушкина, при открытии памятника в Москве и в минувшем году; ¹⁾ между добровольцами за славян и отозванием из Болгарии русских представителей, ²⁾ между публицистами «Дела» и «Чем люди живы» Толстого, ³⁾ – это скорей перипетии притчи о блудном сыне, пожалуй – перипетии и счастья и злочючений Иова, ⁴⁾ нежели судьба и роман сколько-нибудь обыкновенного человека. На самую середину этой бурной четверти века падает глубокое потрясение; ^{4a)} перед ним – бравурные, всё восходившие

в уверенности тоны; после – продолжительный минор, порывы назад, которые едва успокоились к нашему времени. Пал камень посередине реки; она забурилась, даже хлынула назад; но затем конечно её течение повинуетея общему направлению местности, геологическому строению почвы и общему отдалённому её склонению к океану.

Время, столь бурное впечатлениями, естественно ярче всего выразилось в самой бурной форме мысли и слова – в публицистике. Ни про какую другую одну форму литературы нельзя сказать, чтобы она родилась в эту четверть века или даже дала высшие свои образцы, но про публицистику можно это сказать. Она родилась несколько ранее, в шестидесятые годы, но устойчивое течение, определённость и постоянство разделения на лагеря получила в это время. Достаточно назвать такие таланты, как Катков, Аксаков.⁵⁾ Гиляров-Платонов, или такие органы как «Дело» и «Отечественные записки»,⁶⁾ чтобы напомнить, что в самом деле публицистика занимала эту четверть века королевское место в литературе, и поставила в подчинённое к себе отношение решительно все остальные виды литературы. Даже такие могучие таланты, как Тургенев, Толстой, Достоевский хотели или не хотели, а не могли остаться совершенно свободными художниками. Это объясняется глубиной самой публицистики, широкостью и даже всеобъемлемостью её тем, куда были захвачены и вопросы философские, и вопросы религиозные. Достаточно назвать «Новь» Тургенева, «Анну Каренину» Толстого, «Братьев Карамазовых» Достоевского, появившиеся почти одновременно и по характеру и тону представляющие почти заключительное слово их авторов, чтобы согласиться, до чего все они проникнуты общественным волнением и как общественное волнение переходит в двух последних произведениях в широчайшие философский и религиозный синтезы. Здесь мы должны отметить и подчеркнуть эту особенность. Семьдесят пятый год ещё год полного развития рационализма, доктринёрства, политиканства.⁷⁾ Всё мистическое и религиозное высмеивается, вышучивается преследуется. Естественные науки господствуют, но они господствуют не ради фактического своего содержания, а ради того, что обещают, – и это обещание принимается уже за данное и полученное полное рациональное объяснение мира и полное рациональное объяснение человека и его судьбы. Корифеями мысли являются Бокль, Дарвин, Конт, Милль, Спенсер, «более русские, нежели сами русские», «plus russes et plus nihilistes que mêmes russes et mêmes nihilists». Не то, чтобы мы были легкомысленны, но мы так торопливо жили сами этот конец семидесятых годов, что нам некогда было добывать в копиях знания горючий материал. Россия похожа была на огромную доменную печь, которая горела, пылала и с запада жадно тянула горючий материал, чёрный каменный уголь для своего пылания. Несмотря на заграничность ярлыка, это движение вполне русское и исключительно русское, совершенно оригинальное и самобытное. Тут была просто историческая, культурная, умственная неопытность. Нет ведь большего рационалиста как мальчик, как ребёнок. Мир ему представляется устроенным просто как его кукла, и самое

большее – как его детская. Всё, что знает и что испытал и что видел его дед – он просто фактически не знает, не может этому поверить, а потому не может и ввести в свои умственные построения. В «Нови» Тургенева есть эстетический, есть культурный против этого протест. Но он не был силён, ибо в сущности «Новь» сама движется в линии того же прогресса и культуры, по которой шли и оспариваемые в этом романе течения. Скорее в «Кларе Милич» и в «Стихотворениях в прозе» у Тургенева появляется мистицизм; здесь автор родственнее (впервые для себя) сливается с Достоевским и Толстым, хотя нельзя не заметить, что эстетик, рационалист и матерьялист Тургенев и мистическое стал понимать и допускать как материальную, вещественную диковинку («Часы», «Стук, стук»... «Студия»), или как мистический ужас разума перед самую рациональностью мира («Стихотворения в прозе») и перед непоколебимыми всё-таки фактами смерти («Клара Милич»). Его мистицизм робок и едва защищается. Он входит робко и садится у двери, готовый вспугнуться и вылететь вон при первом на него окрике; он существует, но он извиняется в своём существовании. Мистицизм Толстого («Анна Каренина», и позднее – «Чем люди живы», «Смерть Ивана Ильича») и Достоевского («Дневник писателя» и «Карамазовы») – могуч, дерзок, уверен в себе. Это не мистицизм веры в волшебство, это мистицизм скорее знания божественного сложения мира и человека. В «Карамазовых» представители рационализма – семинарист Ракитин и Смердяков; в «Анне Карениной» рационалисты – разные глупые профессора и сводный брат Левина, Кознышев, полуучёный, полупублицист, в «Смерти Ивана Ильича» рационалист есть этот самый умирающий петербургский чиновник, который пасует перед смертью не как перед фактом, но как перед Непостижимостью и перед Правдою. Везде рационализм взят малюсеньким, не выросшим глупышом, недоноском человеческого развития. При этой на него точке зрения конечно спор ведётся с ним смело. Спор этот ведётся художественно: первые мастера русского слова, они просто раскрыли перед читателями глубины человеческой души и сплетение в ней таких задатков, таких страстей, такого рокового течения судьбы, перед которыми Бокль, Спенсер, Дарвин, Конт, Милль, которые казались прошедшими поднебесную, обнявшими землю и небо, стояли со своими «науками» в таком же бессилии и жалком безмолвии, как мальчик с куклою перед жалобным и непостижимым фактом болезни и смерти его отца. Названные художественные произведения должны быть признаны самыми крупными и самыми твёрдыми фактами нашей философской жизни за последнюю четверть века; они не суть только картины, они суть вместе и рассуждения; картины в них – иллюстрации, фактический материал, то же что труп под ножом анатома; но есть труп, а есть и анатомия, т.е. есть наука, знание, ведение, философия. «Дневник писателя», «Братья Карамазовы», «Анна Каренина», «Чем люди живы» и «Смерть Ивана Ильича» можно принять за фундамент наконец начавшейся оригинальной русской философии, где выведен её план и её расположение, может быть, на много

веков. Ибо иначе как многими веками нельзя и исчерпать работу, которая потребовалась бы на разрешение поставленных здесь вопросов о Боге, совести, душе, ответственности, смерти и рождении, наконец, даже о государстве и прямо о религии. Мы долго ждали, не появится ли у нас, и когда появится, своя и вторая «Критика чистого разума», т.е. мы ждали повторения, мы ждали и хотели в философии стать остзейскою провинциею Пруссии. Поэтому, когда в самом деле появилась русская философия, она просто не была узнана: до того она была оригинальна как по содержанию, так и по виду. Никто не спорит, что суть «Смерти Ивана Ильича» – не в сюжете или интриге повести, а в проблеме смерти, и это есть проблема философии и религии; никто также не спорит, что суть рассказа «Чем люди живы» заключается не в его сюжете, а в проблеме совести, спасения души: и опять же это проблема религии и философии. «Две вещи пробуждают во мне трепет и страх: зрелище звёздного неба и размышление о человеческом долге», говорит Кант. Можем ли мы отвергнуть, что этот трепет германского философа совпадает с трепетом, который проникает отмеченные нами русские произведения, и уже по этому формальному совпадению мы можем умозаключить, что русская философия родилась, есть. И как она богата, как жизненна: как в золотое время Греции, как на Востоке, как в пору Renaissance и Реформации, она есть столько же философия, как религия, столько же этика, как и политика. Она захватила жизнь в узле её: великое обещание, что она пышно разовьётся.

Родная почва этого прекрасного явления – наш нигилизм. Мы должны писать правду, когда весь нигилистический цикл уже миновал, правду не страшно написать. Мы уже заметили, что нигилизм есть наше туземное явление. Прошёл плуг по душе русской, перевернул её почву, не оставил на ней живой травки. Все свидетели той минуты ужаснулись: «ничего в остатке!» Так-таки решительно ничего! Пустынна стала русская душа и не сохранилось в ней ни Бога, ни совести, ни красоты, ни предания. Нигилизм сыграл у нас роль эллинских софистов, которые также всё вытравили из греческой души перед появлением Сократа; только нигилизм был трагичнее, злобнее, практичнее. За вытравлением идейным он звал вытравление деловое. Но русская душа не вынесла пустынности, да и Бог помог. В великой наставшей ночи, когда люди плакали и сидели, не зная что делать, на перевёрнутую землю таинственным посетителем были положены (был послан ангел положить) семена превосходного нового всхода. Почва жадно их приняла. И оглядываясь кругом мы можем сказать, что в русской земле есть всё теперь, что угодно, но конечно нет нигилизма и даже надолго, на непредвиденно долго уничтожена самая возможность нигилизма как душевной *tabula rasa*.

Есть совесть как вечный внутренний упрёк; есть Бог как мистическое сосредоточие вселенной; смерть и рождение – окна в «тот свет» из маленького домика, который зовётся нашим телом и так непрочен, и где иногда так невыносимо скучает наша душа; возможна религия, возможно на

земле гармоническое устроение человека: вот прочное и главное доказательное приобретение, каким обогатили нас два названные великие русские ума, русские сердца.

II

Меньшая роль около них принадлежала чистым публицистам: Катков был государственным, который усиливался из того же моря нигилизма, нашей общей теперь «родины», – вытянуть историческое «государственное знамя». Он многое мог, он всё мог, но он не смог стать «любезным русскому сердцу». В смысле «насаждения основ» Толстой и Достоевский сделали гораздо более Каткова, ибо трудились около гораздо более основного и в точности успели «утвердить столпы», и хотя вызвали в старых отрицателях мучительную к себе неприязнь, однако для них безвредную. Неприязнь с них опала, а они уцелели. Напротив, в Каткове и его личности и в характере его деятельности было что-то, быть- может был слишком поспешный и слишком поверхностный успех, который изъясил его из «сердца народного». Мы можем об этом сожалеть, но мы не можем отвергнуть этого как факта. Шире был успех у Аксакова, который поднял знамя «земли»; успех не официальный, но успех общественный. Но Аксаков имел в складе ума своего что-то не зрелое и риторическое, в силу чего запомнилась его фигура, но не помнятся его слова, кроме некоторых исторических: «средостение», «пора домой». Это – слова и это формулы, вытекшие конечно из всего склада русской жизни. И как ответ на существующую боль – они с благодарностью запомнились. Вообще Аксаков пускал «кличи», а не размышлял и это есть бедная в нём сторона. Гиляров-Платонов ни при жизни, ни после смерти не имел успеха и может быть получит его теперь только, когда издаётся «Собрание сочинений» его.⁸⁾ Это был более вдумчивый и более осторожный, чем два предыдущие, ум: но ему очень мешал его семинаризм, за которым неразборчивая толпа не умела рассмотреть живого русского глаза, крепкого русского ума. «Может ли быть что-нибудь из ... Капернауама»;⁹⁾ и от него отвернулись, точнее – прошли мимо его и не взглянули. Тут теряло общество, теряло по своей вине; но, не критикуя здесь, а только констатируя факты за четверть века, мы отмечаем факт простой невлиятельности его. Около Гилярова можно припомнить К. Н. Леонтьева, автора «Востока, России и Славянства» и С. А. Рачинского.¹⁰⁾ Первый мучительно и страстно кинулся в византийскую реакцию, уверяя, что для Европы уже пробили похоронный колокол, а Россия за 1000 лет своего существования не выработала в себе ничего самобытного и всё чем исторически живёт – имеет из Византии: крепкую царскую власть, сильную бюрократию, которая соответствует западному аристократическому сложению, и наконец византийские церковные формы. В душу народную Леонтьев и не заглянул и напр. прошёл мимо десяти миллионов русских сектантов. Что касается до христианства, то он его определял как пессимизм на земле и оптимизм на небе. «Терпите, никогда не будет лучше»; даже «не

старайтесь быть лучше, ибо Христос предрёк, что к концу времён охладает любовь». Достоевский в «Записной книжке», посмертно напечатанной, назвал эти идеи «богохульством».¹¹⁾ И действительно, эта смесь каких-то венецианских пиратов в плащах и перьях, – вечная «красивость» Леонтьева, – и константинопольских иерархов с их тоскою о бессарабских имениях и ненавистью к «болгарской схизме» трудно понять, чем могла бы поманить русский дух. Леонтьев вечно ожидал «солнца с запада», когда оно с сотворения мира восходило и восходит по указанию Божию с востока. Люди хотят быть и чувствуют долг быть хорошими, совестливыми, а наконец и счастливыми ещё на земле. Не так худо, что Леонтьев гнал надежду этого счастья; но он как бы не видел здесь и самого опасного морального изворота, по коему с его точки зрения в самом деле оправдывалось всякое нравственное пиратство, и всё это «с крестом в руках», – «Ваши гармонии – это революция», крикнул он Достоевскому и Толстому в брошюре «Наши новые христиане – Ф. М. Достоевский и гр. Л. Н. Толстой». «Ваше византийство есть богохульство» – крикнул ему Достоевский. Спор очень талантливых людей ничем не разрешился и может быть его увидит будущее. С. А. Рачинский, автор «Сельской школы», «Учебного псалтиря» и «Писем к духовному юношеству»,¹²⁾ стоит на византийской же почве. Осторожный, образованный, утончённый, он уклонился от каких-нибудь принципиальных споров и повернул практически школу к часослову и псалтирю; любит церковное пение и приложил заботу к культуре его в школе. Он избег ошибок Леонтьева, воздерживаясь от принципиальных вопросов, везде действуя на чувство художественного.

Труды Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и «Дарвинизм, критическое исследование» и Н. Н. Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе», «О вечных инстинктах», «Заметки о Пушкине», «И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой» – составляют так сказать «борьбу с Западом» на основе западных же начал, но только идеалистических, а не современных этим писателям материалистических. Можно так определить что против русского умственного движения 70-80 годов, бывшего или казавшегося веточкою общеевропейского нигилизма, они сделали реакцию к золотому веку европейской образованности – к Кювье, Гёте и Гегелю. Эти три имени исчерпывают исходные точки их собственно умственной борьбы; но и на собственно русской почве они только делают реакцию к 40-30-м годам: к Пушкину, как завету правды и простоты. Византийского в обоих их не было ничего, кроме жажды «взять Константинополь», но и это более из внимания к географическому и стратегическому его положению, чем какому-либо другому. Данилевский превосходно разбил дарвинизм и сделал это до того утомительно-основательно, что как ни велик был авторитет Дарвина у нас, почти как авторитет Будды для буддистов, но он пошатнулся тем не менее. В общем однако у обоих этих писателей не было своего ценного слова. Они были учёные, они были мыслители, но они были компиляторы в том великом и прекрасном смысле, как напр. Всё византийско-римское богословствование

можно назвать компиляцией Евангелия и Библии. Просто Данилевский и Страхов не представляют *материка* новой мысли. Этого не оспаривали бы они и не может оспорить никто из их последователей. Но затем есть свободный полёт, есть выпрямленный и прекрасный стан у них в этом свободном шествии чужою, по крайней мере не собственной их, не оригинальной их, не ими пробитую тропую.

III

Совершенно безрезультатны были шумящие, звенящие попытки средневеково-римской реакции на русской почве, которые велись под псевдонимом «синтеза церквей», «церковного универсализма» и т.д. Во главе их стоял писатель, чрезвычайно мало русский по духу, хотя коренной русский по рождению, В. Соловьёв. Он брал католицизм в папизме, и самому папизму он сочувствовал не в теперешнем обдёрганном положении, но в пышной средневековой убранности, пожалуй – лже-убранности. Папа принесёт России святость, Россия принесёт папе силу, и оба «в синтезе» они разыграют шестой акт мировой драмы после того как, пять её актов сыграно и зрители партера, райка и лож решительно скучают. Ни царям нечего делать, ни демократии нечего ждать, Папа ему прислал «благословение» на его литературные труды, и вероятно мало было людей, разочарованных людей, в нашей литературе, которым их неуспех был бы так горек, как этому человеку. Вообще «*memoires d'outré tombe*», «замогильные записки» о состоянии души Вл. С. Соловьёва могли бы быть чрезвычайно интересны, если бы он мог их чистосердечно написать. Но чрезвычайно ломаная линия его полёта, кажется, предупредила возможность вообще прямого в нём движения, даже и *d'outré tombe*. Он начал с «любви» к Каткову, которому принёс увесистую «Критику отвлечённых начал», всю целиком напечатанную «На Страстном бульваре»; ¹³⁾ умер Катков, и Соловьёв не был в числе плакальчиков по его праху; также дружил он с славянофилами, с И. С. Аксаковым, с Н. Н. Страховым, с Ф. М. Достоевским; и потом в «Национальном вопросе в России» не столько восстал, сколько просто встал и затоптал могилы Хомякова, Киреевского, Аксакова, Страхова, Данилевского. Превосходный дар определять, формулировать, обобщать чужую мысль; дар вообще к философствованию, сжатость и точность языка, когда он этого хочет, собственно призывали бы его к превосходной, хотя только компилятивной работе: написанию обширной истории философии и философской истории церкви. Но роль излагателя чужих умственных движений была скромна для его желания; он пожелал «сам», но «самости» в нём не было так много, и отсюда его «дружбы» и «вражды», вечная борьба и неоконченность всякой борьбы.

Гораздо меньшие умственные способности и меньшая эрудиция была на стороне рационалистической русской мысли, которую вели вперёд гг. Н. Михайловский, Скабичевский,¹⁴⁾ Шелгунов, Протопопов, Гольцев¹⁵⁾ и много ещё других, имена которых все записаны в «книгу живота

литературного». Писатели эти все, не будучи умственно даровиты, бесспорно даровиты литературно. Все они имеют писательский темперамент и все обладают тем или иным оттенком художественности. Все они составляли самое любимое чтение почти всей сплошь русской молодёжи. Исторически эти писатели суть общая нас всех родина в том смысле, как мы определили её выше; мы все, в юности, и даже не исключая Достоевского и Толстого, начинали с отрицания, скептицизма, иронии: но у всех чем-нибудь это разрешилось положительным, своего рода каким-нибудь духовным сектанством, иногда узким, иногда фанатичным; тогда как у группы этих писателей скептицизм и ирония ничем не разрешились, и они составляют в умственной жизни России «почву», «католический центр» (как в Германии).¹⁶⁾ Мы очерчиваем этими словами положение вещей, соотношение борющихся партий. Все побывали мы «духом», если не «телом» в «Отечественных записках», но не все там остались, однако оставшиеся негодуют на всех отлетевших. В собственной их кучке, которая просто определяется «крепким сиденьем», «верностью традиции» – скучно за отсутствием момента движения и развития. Это есть пункт погашения вопросов; а вопросов – много, и вопросов – хочется

В партии этой есть одна, однако, и совершенно вечная черта: народничества и «без рассуждений». Слиянность с народом есть гордость этой партии, есть завет Некрасова и Щедрина, и завет, которого «не преjdeши». Что бы там ни было и как бы ни были велики заслуги славянофилов в освобождении крестьян и наделения их землёю, нет сомнения, что дай дело в руки Шелгунову и Скабичевскому, они «освободили» бы ещё чище. Мы должны судить не потому, что люди сделали, а потому, что они сделали бы, если бы были в равном положении. Но нам никак нельзя забыть, что всякое мероприятие, клонившееся в пользу простого населения в течение 25 лет, находило в «Отечественных Записках», «Деле» и др. совершенно неустанную поддержку; а всякое мероприятие не в пользу простого населения находило в них же самую ожесточённую критику, яростное нападение. Только когда из нашей литературы выпадет этот «лагерь «красных индейцев», мы оценим его, и мы оплачем. Его идейные ошибки едва ли очень вредны, по крайней их незрелости; их практическая служба выше всяких похвал. Это несокрушимый покров над нашими полями, деревнями, селами. Иностранцы «значки» тут ничего не значат; все эти люди по духу – славянофильнее, если позволительно так выразиться, всех славянофилов, и суть русские из русских, хотя и кладут под подушку на ночь попеременно то Дарвина, то Бокля, то Спенсера. Французские чулки на русской ноге – и только.

В последние, можно сказать для этого века Россия неожиданно увидела почти торжество или, по крайней мере, шумный успех марксистов: партия, которая желает России как можно скорее «капитализироваться», т.е. перейти во всех слоях её населения к капиталистическому фабрично-биржевому строю, дабы в некоторый прекрасный день, предуказанный немецко-

еврейским «спасителем человечества», это капитализированное хозяйство свалилось в рот благоразумно-терпеливому до тех пор Иванушке- дурачку. Полный разрыв с общиной, артелью, обнищание народа, дабы скорее он стал «пролетариатом» – всё это с жестокостью, присущею только русским теоретикам, проповедуется нео-марксистами. Существование этой партии практически питается у нас энергической официальной переделкою России из страны земледельческой, в страну мануфактурно-промышленную; и, в свою очередь, партия сообщает облагороженный идеалистический вид этой практической системе. Кто-то тут есть Кречинский и кто-то будет играть роль Расплюева. Дай Бог, чтобы это не был бедный русский народ.

IV

Философские успехи в тесном смысле этого слова выразились у нас в основании двух обществ и одного журнала: покойным профессором философии в Московском университете, Матв. Мих. Троицким, было основано в 1885 г. Московское психологическое общество и в 1897 г. было основано С.-Петербургское философское общество. При первом обществе, когда во главе его стал подвижной и живой Н. Я. Грот возник и единственный до сих пор философский журнал у нас: «Вопросы философии и психологии» (с 1889 г. выходил сперва четыремя, а затем пятью книжками в год). Около этих обществ и в этом журнале сконцентрировались все лучшие силы России, и выдвинулись ценными работами многие представители университетской кафедры. Назовём главные труды, если и не прибавившие чего-либо ценного к истории умственного развития собственно человечества, то всё же выразившие умственные усилия русского человека.

В этом отношении последняя четверть века есть пора замирания у нас философского авторитета Европы. Русское общество, которое три четверти века «смотрело в глаза» то Канту, то Гегелю, то Шопенгауэру, в эту последнюю четверть века увидело в среде своей умы, поднявшие столь крупные вопросы и столь родные всем, что было бы чем-то очень школьным, почти школярным оставаться на почве вопросов германской или английской философии.

В сфере этого философско-учебного трудолюбия отметим несколько трудов кн. С. Н. Трубецкого, большую историческую монографию «Метафизика в древней Греции (1890 г.) Превосходным исследователем психо-физиологического мира был Н. Н. Страхов в трудах: «Об основных понятиях психологии и физиологии» (1886 г.), «О вечных истинах» (1887 г.) и «Мир как целое» (2-е изд. в 1882 г.). Превосходными учёными на поприще философском выступили: П. Г. Редкин – «Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще», (четыре тома 1889- 1893 гг.) Б. Н. Чичерин – «Наука и религия» (1879 г.), «Собственность и государство» (два тома, 1882-1883 гг.). Его классическая четырёхтомная «История политических учений», единственный оригинальный русский труд на эту

тому, начал выходить в 1869 году и кончился в 1877 году. Троицкого «Наука о духе» (два тома в 1882 г.) сыграла какую-то жалкую роль в нашей литературе, едва ли во всех частях заслуженную. Это – многолетний труд ума крайне точного и основательного, хотя, без всяких, правда «полётов». Если русскому обществу суждено когда-нибудь впасть в маразм бездарности, книга эта может ещё получить «возрождение», ибо она крайне учёна и серьёзна, хотя буквально не ходит, не идёт, а только лежит. – Труды И. Я. Грота – многочисленны, но все – наивны; напр., в предисловии докторской диссертации «К вопросу о реформе логики» (?!) он объясняет, что во время писания этого изданного зачем-то в Лейпциге трактата он несколько раз переменял взгляды, т.е. на тему и строй труда, и если бы стал ожидать в себе окончательной выработки взгляда, то вероятно никогда бы его не начал, а потому торопится издать. Этот случай может быть есть самый документально-доказательный ограниченности того значения, какой имеет кафедральная наша философия. Совершенно серьёзны однако по силам: Козлов А. А. «Генезис теории пространства и времени Канта» (1884 г.), П. Е. Астафьев: «К вопросу о свободе воли» (1889 г.), В. Д. Кудрявцев, который может считаться почти основателем православного богословствования, как системы, и крайне устойчивой, хотя может быть безжизненной.¹⁷⁾ Никанор, архиепископ, дал лучшее изложение и критику позитивизма в труде: «Позитивная философия и сверхчувственное бытие», (3 т. 1875-1888 г.). Ценные труды по критике философии Канта принадлежат учёным: Каринскому и Александру Введенскому;¹⁸⁾ переводные труды – Я. Н. Колубовскому и Э. Л. Радлову.¹⁹⁾ Над попыткой возродить у нас германский идеализм трудился, впрочем без успеха, А. Волынский,²⁰⁾ прививал нам Шопенгауэра – кн. Цертелев; шумели около позитивизма – Лесевич, Михайловский, де-Роберти, Оболенский. Но ни одно из западных учений не могло уже прочно и долговечно заразить нас. Мысль русского работает, по-видимому, нервно, но Запад оказывает на неё уже не влияния, а только впечатления. Можно думать, что этим указывается для неё оригинальный путь, и хотелось бы надеяться, что в XX наступающем веке она решит что-нибудь из тех вечных и универсальных проблем, проблем уже общечеловеческого интереса, над которыми задумались два наших мистика художника. Толстой слишком поспешно сам разрешил свои вопросы, и получилась азбучная мораль, без значения и жизни. Его ответы бесконечно меньше его вопросов. Достоевский ничего не успел решить, и вопросы его не только не уже, но ещё бесконечно углублённее, мучительнее, чем вопросы Толстого. Даль – перед нами, и вопрос в крыльях, на которых мы полетим туда. А доползти – невозможно, ибо всё это – вопросы небесные, вопросы трансцендентные; «мир Божий», сверхчеловеческий. Туда они нас поманили и туда надо идти.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Статья Д. И. Писарева «Разрушение эстетики»* была опубликована в пятой книге журнала «Русское слово» в 1865 г. и в несколько изменённом виде вошла в четвёртую часть его первого издания сочинений в 1867 г.
- Апофеозы Пушкина* – празднование открытия Памятника А.С. Пушкину (работы А.М. Опекушина) в июньские дни 1880 года и торжества 1899 г. по случаю 100-летия со дня рождения поэта, прошедшие по всей России. Об этих последних можно, к примеру, почитать статью П.Н. Сакулина «Популяризация Пушкина в юбилейных изданиях 1899г.» («Вестник воспитания». 1900. – Кн.1) или Е. Ляцкого «Итоги Пушкинской годовщины» («Образование». 1900. – Кн. 7-8).
- ² *Добровольцы за славян* – русские добровольцы, поспешившие на выручку сербов во время войны Черногории и Сербии с Турцией в 1876 г. и во время русско-турецкой войны 1877-1878 г.
- Отозвание из Болгарии русских представителей* – С.Ф. Платонов писал об этом следующее: «...Освобождённые войной 1877-1878 гг. балканские государства и народности не получили от России и Европы всего того, на что они надеялись. Называя Александра своим «освободителем» они, однако, не скрывали своего недовольства и разочарований. ...Болгария, устроенная на первых порах своей независимой жизни русскими людьми и средствами, вскоре вышла из-под русского влияния». (Полный курс лекций по русской истории. – СПб., 2002. – С. 765). Одним из эпизодов этого «выхода» стало «отозвание» в 1896 г. дипломатического представителя России генерала Н.В. Каульбарса, который, надо признать, грубо вмешивался во внутренние дела страны. Однако В.А. Сологуб писал по этому случаю: «Народы, как люди, не прощают оказанных им благодеяний, и рано или поздно мы встретим в болгарях, спасённых нами, чёрную неблагодарность» (Цит. по интервью с О.Н. Шестинским «Будем жить с верой». См. «Литературная газета», 28 января – 3 февраля, 2004. – № 3-4. – С. 12).
- ³ ... *между публицистами «Дела»* – «Дело» – литературно-политический журнал, выходивший в Петербурге в 1866-1888 гг. Его фактическим руководителем был Г.Е. Благовестов (1824-1880). Долгое время издание продолжало традиции радикализма, присущие журналу «Русское слово». Публицистами «Дела» стали Д.И. Писарев, П.Н. Ткачёв, Д.Д. Минаев и др. Рассказ-притча «*Чем люди живы*» Л. Н. Толстого был опубликован в двенадцатом номере журнала «Детский отдых» в 1882 г.
- ⁴ *Иов* – имя невинного страдальца в книге того же названия, помещаемой в Библии между книгами Эсфири и Псалтирю. У книги Иова две проблемы: во-первых, абсолютно бескорыстного благочестия и, во-вторых, сомнения в общем убеждении в справедливости несчастий, как возмездия за грехи. (См.: Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. – М. 1993. – С. 635).
- ^{4a} *На самую середину этой бурной четверти века падает глубокое потрясение* – публикатор может только предполагать, о чём идёт речь. В

ноябре 1886 г. произошёл упоминавшийся ранее разрыв дипломатических отношений с Болгарией. В 1887 г. при участии Германии был создан австро-англо-итальянский союз («Средиземноморская антанта»), чтобы ограничить влияние России в Турции и на Балканах. Наконец, на 1 марта 1887 г. приходится попытка покушения на Александра III, предпринятая А.И. Ульяновым и его товарищами.

⁵ Здесь и в дальнейшем имеется в виду Иван Сергеевич Аксаков (1823-1886) – ведущий славянофильский публицист с начала 60-х гг. и до конца жизни.

⁶ «Отечественные записки» – литературный журнал, руководимый с 1867 г. Н.А. Некрасовым, а после его смерти М.Е. Салтыковым-Щедриным. Закрыт в 1884 г. Журнал продолжал революционно-демократические традиции «Современника». Публицистами журнала стали Г.З. Елисеев, В.А. Зайцев, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Д.И. Писарев и др.

⁷ Но уже 1874 год можно считать началом антипозитивистской, антиматериалистической реакции русской философии. Об этом свидетельствовали выступления В.Д. Кудрявцева-Платонова на годовичном акте Московской Духовной академии, В.Я. Цингера на таком же акте Московского университета, наконец, защита В.С. Соловьёвым магистерской диссертации «Кризис западной философии (против позитивистов)» в Санкт-Петербургском университете в ноябре того же года.

⁸ Здесь речь идёт о «Сборнике сочинений» Никиты Петровича Гилярова-Платонова, изданного в Москве в 1899 г. в двух томах К.П. Победоносцевым.

⁹ *Капернаум* – город в Галилее, на берегу Тивериадского озера, главное место деятельности Иисуса Христа. Однако горожане остались глухи к новому благовестию.

¹⁰ *Рачинский Сергей Александрович* (1836-1902) – ботаник, оставивший профессуру в Московском университете, чтобы посвятить себя деятельности в области народного образования, построенного на христианских принципах. С 1875 г. он постоянно был занят в народной школе села Татево Бельского уезда Смоленской области. «Нужно – говорил он, – чтобы люди с высшим образованием, с обеспеченным достатком, не принадлежащие к касте духовной, принимали на себя, по одной любви к Богу и ближнему, тяжкий крест священства». Его братом был известный Г.А. Рачинский, председатель Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва в Москве.

¹¹ *Ф.М. Достоевский в «Записной книжке», посмертно напечатанной, назвал эти идеи «богохульством»* – «Записная тетрадь» Ф.М. Достоевского за 1880-1881 г. была опубликована в первом томе «Полного собрания сочинений» (СПб., 1883 г. в составе приложения «Биография, письма и заметки из записной книжки»). Дело в том, что на речь Ф.М. Достоевского на празднестве открытия памятника А.С. Пушкину К.Н. Леонтьев отозвался статьёй «О всемирной любви. Речь Ф.М. Достоевского на

Пушкинском празднике», в которой упрекнул писателя: в речи этой «Христос, по-видимому, по крайней мере до того помимо церкви доступен всякому из нас, что мы считаем себя вправе, – даже не справляясь с азбукой катехизиса, т.е. самыми существенными положениями и безусловными требованиями православного учения, приписывать спасителю никогда не высказанные им обещания «всеобщего братства народов», «повсеместного мира» и «гармонии». Себя же К.Н. Леонтьев осознавал сторонником христианского пессимизма.

К.П. Победоносцев переслал статью К.Н. Леонтьева Ф.М. Достоевскому, и он возразил: «Леонтьев в конце концов немного *еретик* – заметили Вы это?» (Полное собрание сочинений в 30 тт. – Т. 30. – Кн. I. Письма 1878-1881 гг. – Ленинград, 1988. – С. 210). В упомянутой «записной тетради» Ф.М. Достоевский снова полемизирует с К.Н. Леонтьевым: «(Не стоит желать добра миру, ибо сказано, что он гибнет). В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое. Сверх того, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода; уж коль все обречены, так чего же стараться, чего любить, добро делать? Живи в своё пузо» (Полн. Собр. Соч. – Т. 1. – СПб., 1883. – С. 369).

¹² Точное название работ С.А. Рачинского таково: «Сельская школа. Сборник статей С.А. Рачинского» (М., 1891 г.; до 1915 г. книга выдержала 7 изданий), «Чтение псалтиря в начальной школе» («Русское обозрение», 1856 г. Кн. 11.) и «Письма С.А. Рачинского к духовному юношеству о трезвости» (М., 1899 г.).

¹³ На Страстном бульваре в Москве находилась квартира М.Н. Каткова и редакция его журнала «Русский вестник», в котором в 1877-1880 гг. была напечатана докторская диссертация В.С. Соловьёва «Критика отвлечённых начал».

¹⁴ *Скабичевский Александр Михайлович* (1838-1910) – литературный критик и историк литературы либерально-демократического толка. Сотрудничал в «Отечественных записках», «Русском богатстве», «Мире Божиим» и др. Г.В. Плеханов определил его общественную позицию в 80-90-х гг. XIX в. как «самодовольный, мелкопомещанский демократизм» («Литература и эстетика. – М., 1958. – Т. 1. – С. 592).

¹⁵ *Протопопов Михаил Алексеевич* (1848-1915) – литературный критик народнического толка, хотевший видеть в искусстве нечто полезное для свободы народа и прогресса общества. Сотрудничал в журналах «Отечественные записки», «Дело», «Русское богатство», «Русская мысль» и др.

Гольцев Виктор Александрович (1850-1906) – публицист, литературный критик, общественный деятель либерально-демократических взглядов, активный сотрудник журнала «Русская мысль» (с 1880 г.), его неофициальный редактор (с 1885 г.) и редактор (с апреля 1905 г.).

¹⁶ «*Католический центр*» (как в Германии) – католическая политическая партия «Центра» возникла в марте 1871 г. Она получила известность

благодаря «культуркампф» – «борьбы за культуру», т.е. серии мероприятий О. Бисмарка против католической церкви, разделявшей тогда сепаратистские антирусские тенденции. Сравнивая «кучку» «Отечественных записок» с «католическим центром» В.В. Розанов имеет в виду «крепкое сиденье», «верность традициям» и у тех и у других.

¹⁷ В.В. Розанов против обыкновения не называет работ В.Д. Кудрявцева-Платонова. Его первую библиографию дал Я.Н. Колубовский в «Материалах для истории философии в России» («Вопросы философии и психологии», 1890 г. Кн.4).

¹⁸ Возможно, что В.В. Розанов имеет в виду полемику между Ал-дром И. Введенским и М.И. Каринским по поводу книги последнего «Об истинах самоочевидных» (СПб., 1893 г). Она прошла в 25-29 книгах журнала «Вопросы философии и психологии» за 1894-1895 гг. Современный исследователь С.А. Чернов довольно скептичен к результативности этого спора: «Беспрецедентно скрупулёзный для журнала разбор текстов Канта и тонкостей его учения о времени, занявший около 180 страниц журнальной площади, имел своей целью выяснить, по признанию самих спорщиков, один вопрос: «кто из нас правильнее понимает учение Канта о смене душевных явлений?» Он приходит к выводу, что в этом споре «Введенский был прав» (Чернов С.А. Критицизм и мистицизм. Обзор кантианства в журнале «Вопросы философии и психологии» // Кант и философия в России. – М., 1994. – С. 132-133 и 135).

¹⁹ *Переводные труды – Я.Н. Колубовскому и Э.Л. Радлову.* Я.Н. Колубовский к этому времени был известен как переводчик популярнейшей тогда книги Ф. Ибервега и М. Гейнце «История новой философии» (М., 1891г.). Очень много переводил Э.Л. Радлов; возможно, В.В. Розанов вспомнил его перевод Аристотеля «Об истолковании» (1891 г.).

²⁰ *Волынский Аким Львович* (наст. имя и фамилия Хаим Лейбович Флексер; 1861-1926) – литературный и балетный критик, историк и теоретик искусства. С 1891-1892 гг. был ведущим критиком журнала «Северный вестник», который стал печатным органом возникшего тогда русского символизма. Вдохновляясь Кантом, А.Л. Волынский повёл на страницах журнала «борьбу за идеализм» в искусстве и жизни. Критические статьи его были собраны в книге «Борьба за идеализм» (1900 г.). Ещё более он известен погромным «анализом» литературно-эстетического наследия русских революционных демократов – В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева. Странно, что В.В. Розанов не отметил этого цикла статей А.Л. Волынского.